

АШИРА ХААН
НЕ
ТАКАЯ,
НЕ ТАКОЙ

Ашира Хаан
Не такая, не такой
Серия «С чистого листа.
Романы Аширы Хаан»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67864932

*Не такая, не такой:
ISBN 978-5-04-171821-3*

Аннотация

Современный любовно-эротический роман, где прекрасно всё: главный герой – мужчина мечты миллионов женщин, а Соня, главная героиня, – классическая Золушка, которой выпала честь стать возлюбленной принца. Только вот беда – в представлении Сони принц должен выглядеть иначе. Пусть сама она пухлая и мягкая, ее мечта – мужчина-эльф, тонкий, звонкий, неземной... Поэтому ну никак не отвечает Соня на ухаживания миллионера. Подруги изумлены, мама перешла на сторону настойчивого ухажёра и советует Соне присмотреться к нему внимательнее. Можно ли приказать сердцу – или надо подождать, когда тебе будут приказывать собственные чувства?

Содержание

Соня: Пирожные в пентхаусе	5
Юл: Понты последнего порядка	15
Соня: Принцы из «Тиндера»	24
Юл: Спасателем быть легко	34
Соня: Когда сбывается не твоя мечта	44
Юл: Любитель естественных стимуляторов	53
Соня: Карамельные бабочки в животе	62
Юл: Слишком много увлечений	71
Соня: Мечты и реальность	82
Юл: Старая семья, новые удовольствия	93
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ашира Хаан

Не такая, не такой

© Хаан А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Соня: Пирожные в пентхаусе

«Тридцать пять лет, восемьдесят пять килограмм, работаю библиотекарем, живу с мамой», – кажется, я нашла закливание вечного молчания для сайтов знакомств.

Одной рукой прижимая к себе драгоценную коробку с пирожными, другой я листала «Тиндер» на телефоне:

– Шестьдесят лет, ищет «хозяйку» в загородный дом – чтобы умела обращаться со свиньями и была нескучная, а то там телевизора нет. Отказать.

– Сорок, мутное селфи на фоне подушки в голубой цветочек, на лице последствия десятилетий возлияний. Хочет стройную, с третьим размером, без жилищных проблем и детей, с машиной, хорошей работой... Ладно, все понятно.

– Двадцать два, «Хочу сексуальные девушка и серьезный атиношений». На фотке прямо в жилете дворника. Я не то чтобы против, но на каком языке мы будем разговаривать? Языке любви?

Я давно научилась не привередничать, не обращать внимания на мутные фотографии, на бутылки водки в кадре, на явно урезанный возраст, на орфографические ошибки и бесконечные списки требований и жалоб на жизнь в анкете.

Пишу первая, поддерживаю любой умирающий разговор, соглашаюсь на телефонные звонки и встречи в парке.

И все равно одна.

В журналах пишут, что искать мужчин надо в местах их обитания, например, в спортзале и автосервисе. И там, и там надо мной можно только от души поржать — с моей комплекцией и без машины в этих местах я буду смотреться «шикарно». Еще советовали заниматься экстремальными видами спорта или хотя бы болеть за какую-нибудь команду в спортбаре. Подруги, которых я пыталась вытащить выпить коктейлей в один из вечеров финала Лиги чемпионов, крутили пальцем у виска и в качестве альтернативы предлагали погулять по паркам с фонтанами в День ВДВ. Одна я, конечно, никуда не пошла.

На работе в библиотеке мне встречался в основном контингент 80+ с интересами «дача», «кардиолог», «паровые котлеты». И конкуренция в этом секторе была дикая: на одного бодрого старичка приходилось по пять бабулек с профессиональными борщами и новейшими моделями тонометров. Я бы не потянула.

Так что приходится добывать жемчужины из кучи навоза на сайтах знакомств. Вот, например, сегодня пришлось выбраться из своего района в центр, и сразу в «Тиндере» появились новые лица. Многие ставили поиск в радиусе не больше пары километров, чтобы далеко ехать не приходилось.

Может быть, здесь мне повезет больше?

Я выпрыгнула из троллейбуса, открыла карту на телефоне и кивнула — адрес правильный.

Даже не знала, что здесь в центре еще есть жилые дома.

Но передо мной стояло здание начала двадцатого века из тех, на которые жаловалась Цветаева:

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Для меня и шестиэтажные причудливые здания с башенками и печными трубами на крыше выглядели уютными домиками старой Москвы. Здесь их было сразу несколько: кованный забор окружал небольшой дворик, заставленный очень непростыми машинами. О том, что будут еще и ворота со шлагбаумом, меня не предупреждали.

Но я удачно проскользнула во двор вместе с темно-красной приземистой машиной со смутно знакомым шильдиком на капоте и сразу направилась к первому корпусу.

Звонок на подъезд был только один – и сразу после бабовитого роскошного «Динь-донннн!» тяжелая деревянная дверь открылась и пропустила меня в отделанный мрамором холл.

Я, конечно, ожидала увидеть консьержку, меня предупреждали, но не была готова к тому, что это будет сурового вида мужчина лет шестидесяти с военной выправкой. Уверена, таким консьержам надо давать какое-то другое название, посуровее.

– Вы к кому? – Он нахмурил лохматые седые брови, и на

лбу обозначилась глубокая горизонтальная морщина от фуражки.

– Верхний этаж, лофт, доставка «Асины сладости»! – Я попыталась улыбнуться как могла обаятельнее.

– Оставьте здесь!

– Нельзя, – меня предупреждали, что так будет. – Это очень нежные пирожные и их очень ждут на дне рождения, велели передать лично в руки.

– Да? – Брови снова сошлись на переносице. – Кондитерша, значит?

– Нет, курьер! – пискнула я, но он уже поднял трубку телефона и начал набирать номер.

Курьер, и библиотекарь, и отчаявшаяся одиночка – это все я.

Ася – моя подруга.

И вот она-то как раз кондитер. Это она отхватила роскошный заказ на свои пирожные ручной работы для каких-то невероятно понтовых покупателей. Разумеется, поручать доставить нежнейшие муссовые сердечки в зеркальной глазури через половину города ее обычным курьерам-мальчишкам она не могла. Они и так регулярно привозили клиентам изломанные бисквиты вместо торта с хрупкими украшениями.

Аська и сама бы завезла такой важный заказ, но у нее совершенно не было времени. А мне деньги тоже нелишние, потому что зарплата у меня как у библиотекаря. Это примерно как у курьера, только еще чуть поменьше.

– Лифт за колонной, – буркнул консьерж, заканчивая разговор. – Верхняя кнопка.

Перед лифтом хотелось извиниться за свой внешний вид. Перед зеркалами – за старый пуховик, перед полами – за дешёвые сапоги из «Ашана», и даже перед потолком – за мою вязаную шапочку. Шапочку я, впрочем, сняла, чтобы не быть похожей на женщин средних лет в поликлинике, которые так и ходят в меховых шапках, опасаясь, что их украдут в гардеробе. Когда я посмотрела в зеркало на свои взмокшие и прилипшие к лицу волосы, перед потолком захотелось извиниться еще раз.

Лифт тем временем остановился и открыл двери прямо в квартиру.

Точнее, в лофт. Или пентхаус-лофт. Понятия не имею, как правильно описать огромную квартиру почти без перегородок, оформленную нарочито грубо: кирпичные и бетонные стены, открытые коммуникации, несущие колонны в виде железных столбов. И с лестницей на второй этаж.

В квартире гремела музыка, на окнах перемигивались разноцветные гирлянды, на столах толкались бокалы и подносы с едой. Гости сидели на диванах, закрытых грубой холщовой тканью, и общались, не обращая на меня с пирожными внимания, и мы мялись у входной двери, не зная, куда податься.

Пусть Аська делает что хочет, но к таким заказчикам я больше не поеду.

Мимо прошел весьма импозантный седой мужик в очках

и драных джинсах стоимостью с две мои зарплаты. И даже голову не повернул. Следующего – высокого красавца в черной рубашке с жестокими глазами – я поймала за рукав. Просто побоялась встать перед ним, подумала, что не заметит и снесет. А пирожные уже чуть-чуть поплыли в жаркой комнате, надо было скорее от них отделаться.

Красавец сначала посмотрел на мои пальцы на своем рукаве. С легким удивлением, как будто реально не ожидал, что кто-то может осмелиться до него дотронуться. А потом уже перевел взгляд на меня.

– Вы... – Я подавилась заготовленной речью, потому что он был совершенно в моем вкусе: черноволосый, с чуть экзотическим разрезом глаз, худощавый и молодой. Как будто сошедший с экрана или страниц глянцевого журнала. – Я... Вот. Пирожные принесла. Доставка!

Он слегка усмехнулся:

– Кондитер?

И смерил меня цепким взглядом. Я тут же втянула живот и вспомнила, что соврала про восемьдесят пять килограмм. На самом деле восемьдесят семь. Но это отеки, в пятницу был день рождения у Лидии Захаровны, мы немного выпили...

– Н-н-не совсем... – начала я, но он прервал меня небрежным взмахом куда-то в глубь квартиры:

– Барышня, идите на кухню, отдайте ваши тортики Юльке и скажите, сколько мы вам должны.

Пока я соображала, что ответить, он уже слинял.

Юльке, значит. На кухне. Где-то там.

Наверное, хозяйка дома.

Я пошла в ту сторону, куда он махнул. Мимо лестницы на второй этаж, мимо длинных диванов, где сидели длинноногие девицы с бокалами в тонких пальцах, мимо мужчин в дорогих костюмах с сигарами.

Кухня пряталась за тонкой перегородкой, отделяющей ее от открытого пространства лофта. По крайней мере, я надеялась, что это кухня – там был холодильник, барная стойка и футуристического вида агрегаты, сверкающие хромированными деталями и лакированными боками.

А еще там был огромный мужик.

Лысый и с бородой.

Занимавший почти половину всей кухни, хотя там было явно не пять квадратных метров, как у нас в хрущевке. Когда я вошла со своими клятыми пирожными, он как раз собирался надеть пестрый свитер, но, увидев меня, замер и опустил руки, давая возможность разглядеть его во всех подробностях.

Никогда вживую не видела таких чудовищно огромных мускулов. Даже когда забежала в районный спортзал спросить, сколько стоит абонемент.

Мужик был похож на существо другого вида, не человека. Уж на что я не люблю таких огромных качков, предпочитая поджарых эльфов с острыми скулами, наподобие того

красавчика в гостиной, но тут даже я впечатлилась. Залипла, открыв рот и разглядывая, как бицепсы переливаются под натянутой тканью футболки. Будто мне пять лет, и я впервые в жизни увидела льва в зоопарке. Ощущение животной нечеловеческой мощи было примерно похожим.

И даже чуть не пропустила момент, когда мужик заметил меня. Очнулась только от вопроса:

– Могу вам чем-нибудь помочь?

– Мне... Надо... – Я сглотнула и собралась. – Мне сказали найти Юлию.

Я огляделась – вдруг я просто не заметила незнакомую мне хозяйку.

– А какое у вас дело?

– Мне надо отдать ей пирожные. – Я отвела глаза... по крайней мере, постаралась, и затараторила: – Тут сердечки с малиновым муссом и базиликовым крему, тут с прослойкой из травяного желе и клубникой, тут с капсулой из белого шоколада, все уже разморозилось, можно подавать, но пока им лучше постоять в холодильнике, чтобы все слои приобрели одинаковую температуру и не поплыли в тепле. А где Юлия?

– Это я, – сказал мужик и наконец одним движением надел на себя этот совершенно дурацкий свитер, будто купленный в переходе у бабушек, связавших его из завалявшихся на антресолях остатков пряжи.

– В смысле? – Я перехватила коробку двумя руками, потому что уже не в первый раз пыталась ее уронить от нежиз-

данности.

– Юлиан, – мужик протянул мне свою огромную ладонь.

Пришлось снова перехватывать коробку одной рукой и тянуть к нему другую:

– Соня.

Мои пальцы утонули в его огромной ручище. Да и вообще я рядом с ним смотрелась совсем маленькой – ужасно непривычно.

В этой квартире вообще все выглядели совершенно иначе, не так, как мои знакомые. Словно какая-то совершенно другая порода людей. Интересно – они изменились, когда выбились в высшее общество, или сразу были такими необычными и потому прибились друг к другу, а богатство приложилось?

– Вам надо заплатить? – Юлиан так и не выпустил мою руку, а я согрелась в его ладони после уличного холода и ледяной коробки с пирожными, и потому даже не подумала ее отдернуть.

– Что?.. – Почему я, взрослая женщина, в этой квартире и среди этих людей веду себя как полная идиотка?

– За пирожные. Давайте-ка сюда, – он наконец избавил меня от груза.

– Ой, нет, уже заплатили! – Я отскочила, натягивая на пальцы рукава пуховика, сразу почувствовав, где я и кто я. – Спасибо! Я побегу!

Развернувшись, чуть не врезалась в косяк двери, огляну-

лась, извиняясь взглядом за свою неуклюжесть, и смутилась, потому что в его теплых глазах не было насмешки, только очень-очень пристальное внимание.

– Извините, до свидания! – И я пролетела к лифту с пылающими щеками, не оглядываясь по сторонам. Нет уж, слишком много нервов за пятьсот рублей! Сама, пусть Аська отвозит им пирожные сама!

Юл: Понты последнего порядка

Остался стоять, прислонясь к холодильнику прямо с холодной коробкой в руках. Забавная девчонка, похожа на взъерошенную птицу. Интересно, сколько ей лет? На студентку вроде не очень похожа, но кто еще будет развозить пирожные?

Аккуратно заглянул внутрь окошка в темно-синей картонной коробке. Там розовыми боками поблескивали сердечки. Открыл – вроде ничем не пахнут. Как она говорила – малиновые? С травами?

Как раз закончил выкладывать их на большое квадратное блюдо, когда Лера наконец соизволила заявиться на кухню и приступить к своим обязанностям хозяйки дома. Вообще, тусовка была для своих, не стали мудрить с кейтерингом, и Лера собиралась сама все приготовить «как раньше», но, судя по слишком аккуратным крошечным бутербродикам на шпажках, все-таки не вынесла бремени домашнего хозяйства. Не могу себе вообразить, как она между фитнесом и клубом сидела и нанизывала кусочки морковки вперемешку с огурцами.

Лере сорок три, и она даже не пытается их скрыть – носит подчеркнуто строгие женские костюмы в стиле Жаклин Кеннеди, напоминает, что бриллианты лучше всего смотрятся на зрелых женщинах, – не забывает подчеркнуть размеры

этих бриллиантов и совершенно спокойно рассказывает, что ездила на подтяжку век.

Она могла бы еще молодиться – со спины ей больше двадцати и не дашь. Но глаза – в глазах женщины за сорок уже все видно. И не пресловутая усталость – какая там усталость, когда она с подружками куролесит до утра! Нет, тот самый взгляд на мужчин, который называется опытом – я все про тебя знаю, ты меня не обманешь.

– Юл, открой ротик! – Лера уже разворошила пирожные, отломив от одного половину и теперь тянула на ложечке мне.

Еле увернулся, но липкая глазурь все равно испачкала щеку. Лера поднялась на цыпочки, кончиком языка слизнула ее... и задержалась. Руки привычно действовали сами, ложась на ее идеально выточенную упорным фитнесом талию. Грудью уперлась в меня, я подхватил ее бедра и приподнял, проминая пальцами упругую задницу. Губы тут же присосались к моим губам, и я почувствовал малиновый привкус.

– Вкусно? – игриво шепнула она мне на ухо.

Шут его знает.

То есть пирожное вкусно, а вот эти выкрутасы почему-то вдруг вызвали странное отвращение. Вроде взрослые люди, знаем, что друг от друга хотим, к чему эти киношные игры? Какие-то ненатуральные страсти, картинка для галочки.

Хотя обычно мне нравилось, когда Лера придумывала что-то новенькое и приносила в гости характерные плотные

пакеты из секс-шопа. Может, наше время просто истекло?

Поставил ее на пол и кивнул на дверь:

– Идет кто-то.

– Да и черт с ним... – Лера снова прижалась ко мне всем телом.

А вот это уже нехорошо. Одно дело – потрахать с полгода жену своего друга, получить взаимное удовольствие и разойтись по углам, другое – когда ей вдруг становится скучно в ее роли примерной боевой подружки и хочется драмы и страстей.

К счастью, на кухню вошел Альберт. Лера его никогда не любила, поэтому отлипла от меня и снова занялась пирожными. Но он ни на секунду не обманулся ее беспечным видом, моментально сосканировал и растрепанные волосы, и выбившуюся блузку – бросил на меня пронизательный взгляд, комментировать не стал.

– Юл, это ты девушку напугал?

– Какую девушку? – нахмурился.

– Ту, что вылетела отсюда, как будто на нее цепных собак спустили. Мог бы быть погостеприимнее.

– А, с пирожными! – наконец сообразил.

– Ой, так это была Ася? – вмешалась Лера. – У нее на аватарке совсем другое фото. Такая бесплотная блондинка, на эльфа похожа.

– Нет, эта... плотная вполне. И зовут Соня.

– Значит, курьер, – поскущнула Лера. – Зря она таких толстушек нанимает. Пирожные легкие, воздушные, а тут по-

смотришь на нее – и передумашь.

– Не ешь, нам больше достанется. – Альберт вклинился между мной и Лерой и подхватил сердечко с блюда. – О, а это клубничное. Они разные, что ли?

– Да, она говорила, есть еще с какими-то капсулами, – попытался вспомнить, что щебетала птичка Соня, но вспомнил только ее огромные испуганные глаза. Да уж, переборщил с харизмой.

– Да, с шоколадными! И там должны быть прослойки из базилика и мяты, – обрадовалась Лера. – О, мужчины, если бы вы могли чувствовать утонченные вкусы так же, как женщины... Но вам не дано! Юл, пойдем наверх, там потише. Так и быть, поделюсь с тобой еще одним пирожным. Возьми просекко в холодильнике.

Намек был более чем прозрачным. Пока Матвей дегустирует сигары с коньяком, мы потеряемся в одной из гостевых спален. Не раз и не два мы уже этот фокус проделывали, почему бы не сегодня?

Сам не знаю.

– О, я с вами! – вдруг с энтузиазмом сообщил Альберт. – Только я виски возьму, ничего? Лер, эти пирожные сочетаются с виски?

– Сочетаются, – скрипнула зубами Лера.

– Отлично, тогда давай ты пирожные, я виски, Юл шампанское, еще кого-нибудь из гостинной подхватим и закатимся наверх. У вас проектор работает? Посмотрим кино под

это дело?

Как и думал, Лера незаметно потерялась вместе с блюдом где-то по дороге на второй этаж, и в итоге мы с Альбертом оказались там вдвоем. Он прихватил два тяжелых толстостенных бокала и разлил по ним темно-янтарный сингл-молт. Просекко не пригодилось – заглянул в ближайшую спальню и оставил его на тумбочке. Теплое шампанское после секса лучше, чем никакого.

– Пожалуйста, – отсалютовал мне Альберт и отпил виски.

– Психолог чертов, – проворчал, падая в кресло.

Басы этажом ниже толкались в ступни, пробирали почище алкоголя, но здесь было темно и тихо, и так мне нравилось больше. Сказал бы, что старею, но это со мной последние пятнадцать лет.

– Жениться вам надо, барин, – философски заявил мой не в меру наглый друг, опрокидывая второй бокал.

– Восьмой раз? Что я там не видел?

– А что ты там видел семь предыдущих раз?

– Пеленки и нищету, общаги и водку, страх и бабло, шмотки и тачки, гламур и измены, ложь и скандалы, нытье и скуку.

– Ого...

– Да, Алик, это тебе энциклопедия семейной жизни от Юлиана Владимировича Гришина. Запиши где-нибудь, намотай на какой-нибудь свой седой ус, пригодится.

– Вряд ли, Юль. Вот это все – уже не пригодится.

Он так спокойно и странно это сказал, что я присмотрел-

ся:

– Ну-ка, повернись к свету... Что у тебя с глазами? Алик, да ты влюбился, что ли? Зацепила шальная пуля?

– Шальная... – Альберт покачал виски в бокале и глотнул еще. Улыбнулся. – Можно сказать и так. Но мы сейчас вообще-то о тебе.

– Что обо мне? – буркнул. Не помню, когда у меня такие же глаза были последний раз. – Зачем мне жениться? Для хорошего секса у меня есть качественные замужние дамы, которые все знают и о мужском, и о женском теле и не выносят мозг.

– Я заметил...

– Статистическая погрешность, – отмахнулся я. – Для развлечений – девицы из спортзала. Они туда специально ходят сниматься, как раньше в клубы. Такие крепкие, с неутомимыми губами и ладными жопами.

– Юл... – поморщился Альберт.

– Да ладно тебе, интеллигент. Если твоя не такая, бросай немедленно. А? – отхлебнул первый глоток.

Напиваться не хотелось совершенно. Вообще сегодня не собирался никуда идти, но это вечное нытье Матвея: «Когда мы последний раз собирались старой компанией?»

Когда последний раз собирались, было то же самое, но на природе.

– Если делать то, что делал всегда, то и получишь результат, который получал всегда. – Альберт проигнорировал мою

подколку.

– Это новая мудрость от влюбленного Алика?

– Если хочешь – да. Почему в твоей энциклопедии семейной жизни вообще ни слова про любовь?

– Потому что для семейной жизни она не нужна, – отрезал я.

– Теперь, после семи браков без этой ненужной вещи, ты это точно знаешь, да?

– Посмотрите на него... первый раз влюбился, а уже познал всю мудрость мира! – почувствовал, что уже бешусь.

Потому что в чем-то он был прав. Семь жен и несколько сотен любовниц. И ни одной той, что мог бы назвать единственной. Даже в любви последний раз признавался, дай боже, тридцать лет назад, когда на Ольге женился. И то потому, что вроде как положено.

Может быть, моей женщины вообще не существует.

Или хуже – существует, но я ее пропустил. Пригласил в ресторан, отвез в гостиницу. Оставил денег на такси с утра и стер номер из памяти телефона.

Может быть, даже не пригласил и не отвез. Решил, что задница недостаточно упругая, а взгляд обещает, что по-простому с ней не будет, да и не стал связываться. Как с этой птичкой сегодня. Ведь цепанула чем-то, но даже не задумался о том, чтобы остановить.

– Алик, если ты такой умный... – посмотрел, как он допивает шестой или седьмой бокал, покачал головой, – то какого

хрена ты сидишь здесь и учишь меня жить, а не предаешься разврату со своей шальной?

– Юл, ты время видел? Заявлюсь к ней посреди ночи и бухой – здравствуй, дорогая, люби меня черненьким!

Эти дети...

Альберту на восемь лет меньше, чем мне, а будто на целую жизнь. Те самые восемь лет, что я выгрызал пристойную жизнь в поздние советские годы. Те восемь лет, которые учился выживать в девяностые.

Они меня научили: если нашел свое – не отпускай.

– Я тебя слушал, теперь ты меня послушай. Если это твоя женщина – она только рада будет, что ты с вечеринки не по бабам отправился, не отсыпаться, а захотел приехать к ней.

– Да ну, брось, Юл, неудобно будить... – Он накинул капюшон на голову, скрыв седину, и так стал выглядеть моложе моего сына.

– Я ей на свадьбе расскажу, как ты отказывался ехать.

– Дожить еще надо до свадьбы... – пробормотал он, наливая себе еще бокал.

Я подхватил его и выпил сам.

– Бери пример с меня. Я каждой говорил: хочешь замуж? Пошли прямо сейчас заявление подадим!

– Странно, что ты всего семь раз женился.

– Предпочитаю умных женщин.

С трудом выбрался из кресла. Пожалуй, тоже сбегу с этой вечеринки. Остальные не заметят, а Лера, надеюсь, поймет

намек. Она же умная женщина.

Соня: Принцы из «Тиндера»

- Худеть надо, Сонь!
- Кому надо, тот пусть и худеет.
- Тебе надо! Ты же замуж хочешь?
- Ну хочу.
- Тогда возьми себя в руки! Никаких тортиков на диване.

Утром листик салата, в обед куриную грудку, на ужин – мечты о сексе. И пробежка до работы.

- Ксан, отвяжись. Ты худая – тебе помогло?
- Я замужем уже была, ребенка родила.
- И все равно одинокая.
- Не одинокая, а разведенная. Это, Сонь, большая разница.

Мы с Ксанкой задержались после работы в архиве. Она ставила печати на списанные экземпляры, я возилась на полках, подбирая книги для завтрашней выставки, посвященной научной фантастике.

Понятия не имею, для кого я так старалась. В нашу районную библиотеку часто заходили школьники за Достоевским и Чеховым по программе, бодрые пенсионерки за любовными романами и журналами по садоводству и немногочисленные седовласые старички за «научной» литературой – книгами про заговоры в СССР и альтернативную историю.

Можно было бы попытаться заинтересовать фантасти-

кой школьников, но они скорее скачают электронную книгу, причем лучше литРПГ, чем будут грызть «твердую» НФ советского периода.

Но дома меня ждали только мама и кошка Филомена, и смысла туда торопиться не было никакого. Ксанка сегодня закинула дочь к родителям и ждала, пока за ней заедет ее любовник – глубоко женатый заместитель главы управы, с которым у них уже много лет была на редкость унылая связь. Раз в пару месяцев он отвозил ее поесть суши, потом в сетевой отель, дарил букет роз и пропадал до следующего раза. Именно это регулярное событие давало Ксанке моральное право считать свою личную жизнь успешной.

У меня такого права не было, я даже свой хилый улов в «Тиндере» уже весь разогнала. Нужно было идти за следующей партией. Чем я теперь вечерами и занималась. Ксанка, конечно, во все совала нос. Но с ней рассматривать анкеты было намного веселее.

– Слушай, а чего он такую морду скорчил?

– Не знаю, Ксан.

– И ты его лайкнула?

– Ну, может, он умный.

– О, смотри, какой милаш!

– Ксан, он тебе в сыновья годится!

– Тебе тоже.

– Нет, в пятнадцать я не была такой легкомысленной.

– Зато теперь оторвись. Давай, давай, лайкни! О, что зна-

чит «матч»?

– Это значит, что он тоже меня лайкнул.

– Во, я же говорила – отрывайся! Ты ему понравилась.

– Ксан, тут мужики всех подряд лайкают, это ничего не значит.

– Ну напиши ему!

– Ему двадцать лет!

– Ну, по крайней мере, у него точно стоит, а то, знаешь, пишут, что импотенция сильно помолодела и даже тридцатилетние уже не могут быть достаточно уверены...

Поначалу, когда я еще верила в сайты знакомств, я пыталась встречаться с мужчинами помоложе. Мне, как я уже говорила, всегда нравились стройные эльфоподобные мальчики, а после тридцати их становится все меньше. Ну и вообще мужчинам после сорока почему-то требовалась больше бесплатная уборщица и повариха, чем любовница, а я еще недостаточно отчаялась. Тогда.

И как ни странно, на меня был спрос. В чем подвох – я узнала, только когда начала ходить на свидания с этими эльфами.

Молодые любят опытных женщин. Ключевое слово – опытных. Эльф от меня в сексе ждет каких-то фейерверков, особенно потому что я «старая» и толстая, мол, «старушка думает, что в последний раз, и такое вытворяет!», а я не знаю даже, что я могу такое вытворить.

Я даже гуглила. Например, «пурпурная дымка» – писа-

ли, что это улетная техника минета. Ну, допустим, все инструкции мне пришлось выучить наизусть, чтобы не подглядывать в процессе. Но ведь когда я попробовала применить ее на практике, парень младше меня лет на десять, посмотрев, как я мучаюсь, с жалостью спросил, делала ли я вообще когда-нибудь минет.

Я даже спросила Ксанку, может быть, она знает что-нибудь интересное. Она предложила купить чулки и кружевное белье. Представив, как они будут смотреться на моей отнюдь не модельной фигуре, я решила завязать с экспериментами.

Ксанка отобрала у меня телефон и теперь листала анкеты, с подозрительно опытной легкостью раскидывая их вправо и влево – лайк, отказать, отказать, отказать, лайк.

– О господи...

– О господи! Ты его промотала?!

– Не знаю, я зажмурилась!

– А если ты его лайкнула?

– Тогда нам хана...

– Как ты думаешь, это точно человек?

– Не хочу проверять.

– О, лайкни этого.

– Ему двадцать пять!

– Сама говорила, что тебе нравятся помоложе.

– И посимпатичнее.

– Ну что поделатъ, на нашей почве Эштоны Катчеры не очень хорошо растут.

– А кто это?

– Мать, как ты вообще смеешь называть себя ценительницей молодых и красивых, если не знаешь, кто это?

– Я знаю Эйдана Тернера, мне хватает.

– Погугли принца Дубаев, не пожалеешь!

– А хорош... И холост. И ему можно четырех жен...

– Если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца!

– Ксан, ты же интеллигентная женщина, работаешь в библиотеке, в конце концов! Что за репертуар?

– Ты тоже интеллигентная женщина, а читаешь любовные романы.

– Я в библиотеке работаю, изучаю наши фонды. И вообще, в своем возрасте я уже могу читать, что хочу!

– Я тебя на два года старше и могу петь, что хочу.

То, что я никогда не была замужем, разумеется, не значит, что я дожила до своих лет престарелой девственницей. У меня была вполне зажигательная юность, парочка романов длиной в год или около того и вполне разнообразная сексуальная жизнь. Просто пока мои подруги проходили стандартный женский путь от свиданий к драмам, от драм к залетам, от залетов к замужествам и оттуда прямым путем к разводам и алиментам, у меня сначала была учеба, потом большая мама, потом все вокруг женаты, а потом внезапно тридцать, лишний вес, скучная работа и как-то никак не встретится тот, ради кого хотелось бы отложить начатую книжку.

Разумеется, молодому стройному эльфу с длинными волосами и острыми скулами, умеющему отличать Шиллера от Шопенгауэра, желательно еще и с чувством юмора, я бы простила даже отсутствие нормальной работы и жилья. Спали бы в моей девичьей постельке в трешке с мамой за стенкой. Но я смотрю на вещи реально – куда реальнее, чем думает Ксанка.

Она пролистала еще несколько анкет и кинула мне телефон:

– На, забирай своих крокодилов. Такое ощущение, что там на входе цензура. И если мужик красивее Валуева после боя, ему просто не дают зарегистрироваться.

– Это не мои крокодилы. Даже крокодилы не мои.

– А я тебе говорю – похудей!

– И что изменится? Мужики в «Тиндере» станут Джудами Лоу?

– Будешь знакомиться не только в «Тиндере».

– А где? Мы уже все варианты перебрали, если ты помнишь.

– Да хотя бы на улице! Вот когда последний раз с тобой на улице познакомились? Не помнишь? А со мной вчера!

– И кто это был?

– Таксист у автовокзала. Но я по вечеринкам в пентхаусах не хожу. А у тебя были все шансы склеить нормального мужика.

– Я уже тысячу раз пожалела, что вообще тебе что-то рас-

сказала!

– Слушай, русская танцовщица склеила Джонни Деппа в кабаке! Ты думаешь, она ныла «он мне не пара» и прятала глазки?

– Ему пятьдесят пять.

– То есть ты бы отказалась от Джонни Деппа, потому что он слишком старый?

– Я думаю, он бы на меня и не посмотрел, как и все эти «нормальные» в пентхаусе. Танцовщице двадцать один. И фигура у нее... ну, как у танцовщицы.

– Кстати, о фигуре, Сонь...

Работать в женском коллективе и ни разу не посидеть на диете – попробуйте продать этот сюжет «Диснею», и они откажут с формулировкой «слишком фантастично». Так что я знаю все о диетах по группе крови, состоящих исключительно из супчиков, без жиров, без углеводов, без мяса, без молока, с одной гречкой, умею на взгляд определять, сколько калорий в кусочке незнакомого вещества – вот этот сюжет уже надо «Марвелу» продавать, таких супергероев еще не было. Я знаю, что такое кетоз, вычисляю в уме индекс массы тела, разбуди меня ночью – и расскажу о пропорциях белков, жиров и углеводов.

Я пробовала гипноз, иглоукалывание, целлюлозу, все виды таблеток и чаев, интервальное голодание, обычное голодание, маленькие порции и часто, большие порции и редко, есть медленно, есть голой перед зеркалом и даже читать осо-

бую молитву перед каждым кусочком.

Лидия Захаровна, наша начальница, как была, так и осталась стройной ведьмой, которая может съесть «Наполеон» в одиночку без последствий.

Ксанка на этапе голодания подцепила своего зам. главы – он подумал, что она на него смотрит такими горящими глазами, а она смотрела на пирожок с капустой в его руке.

Мои килограммы ушли, а потом вернулись обратно и друзей привели.

В какой-то момент мне просто надоело, что мое главное хобби – сжигать жир. К сожалению, убедить дорогих коллег, что в жизни есть и другие интересы, пока не удалось. Каждый раз они находят новый повод заставить меня снова сесть на диету. Вот и сейчас никак не удастся убедить, что связи между весом и замужеством нет.

К счастью, очередную лекцию от Ксанки прервал телефонный звонок. Она взглянула на экран и глубоко вздохнула:

– Привет, котенок. Нет, мы же договорились, сегодня ты у бабушки с дедушкой. Что забыла? Я забыла? Я забыла про зимний бал? Я о нем даже не знала! Ах, ты забыла! И когда тебе нужно это платье? Ну да, как обычно. Нет, что ты, я совсем не сержусь. Да, я тебя тоже.

– Анюта как всегда?

– Меня, знаешь, немного утешает, что не я одна такая.

– В прошлый раз был средневековый замок...

– ...из желудей. Даже не напоминай мне. Причем она клялась, что это последний раз!

– Это ведь было до того, как я тебе полночи делала елочные игрушки из ниток и клея?

– До.

– Понятно.

– Замуж иди, но детей даже не думай заводить, поняла?

– Почему? Ты, главное, тот замок из желудей не выкидывай.

– Rrrr! Где мне ночью платье для бала найти?

– Почему ночью? Сейчас еще открыты магазины.

– Сонь, а что я своему скажу?

– Ты правда выберешь между бальным платьем для дочери и так-себе-любовником – любовника?

– Вот поэтому ты и одна, Сонь.

– Нечестный ход.

– Прости. Устала немного.

Телефон в ее руке снова зазвонил – так-себе-любовник уже приехал. Ксанка виновато и смущенно пожала плечами, подхватила дубленку и заторопилась.

В этот момент телефон зазвонил и у меня.

На секунду у меня екнуло сердце. Ну так, как бывает иногда – кажется, что сейчас произойдет что-то особенное, событие, которое изменит всю твою жизнь.

Я даже замерла, не решаясь посмотреть на экран. Чаще всего такие предчувствия оказываются пустышкой. Но сего-

дняшний зимний вечер был слишком пустым и печальным, и мне требовалось хотя бы несколько мгновений веры в лучшее...

Но, конечно, это была всего лишь мама, у которой внезапно кончились ее очень важные лекарства, и выяснила она это прямо сейчас, когда надо пить очередную таблетку. Нет, раньше она посмотреть не могла! Нет, до завтра не подождет! Нет, нужно в аптеку прямо сейчас!

Ну какие мне дети, Ксан? У меня еще родители не выросли.

Юл: Спасателем быть легко

Телефон, кажется, раскалится и грозился взорваться с минуты на минуту. Или просто гарнитура нагрелась от нашей с Владом бесконечной, ходящей по кругу беседы. Кажется, несколько лет назад какая-то модель смартфона взрывалась прямо у человека в руках. Даже покосился на свой, но все равно не вспомнил модель.

Да и дымился он больше фигурально.

– Пап, вот когда страной в ручном режиме управляют и раздают приказы проследить за лечением какого-нибудь больного мальчика, так ты бесишься. А сам хочешь меня заставить все аптеки лично обходить? Может, мне еще курьером наняться?

– Ты государство с бизнесом не путай. Это разные вещи. Если тебе все равно, что продавать – памперсы или секс-услуги, херовый из тебя руководитель.

– Вот именно, руководитель! А не продавец!

– В бизнесе ты и есть главный продавец, – стиснул зубы, выкруливая на шоссе на мигающий желтый.

Черт дернул выбраться из своих глухих лесов. Если бы не тусовка у Матвея, так бы и просидел до весны у себя в берлоге. В Москве зимой жизни нет. Пробки, каша под ногами, все обозленные и с авитаминозом. Жить в Москве можно только летом, когда все разлетаются, разъезжаются и пустые улицы,

особенно по выходным, вызывают ностальгию по временам, когда автомобиль был роскошью, а не куском личного пространства в мертвом трафике Садового.

– Поэтому, Влад, твоя задача – именно ручной контроль. Заехать на производство, просмотреть отчеты по всей цепочке, начиная с охранника. По каждому этапу пройти, посмотреть, где что виснет, потом проследить за выкладкой. Да, в простых городских аптеках. Так создаются работающие концерны. Создаются, а не получают в наследство.

– Ну извини, папуля, что ты мне не дал шанса самому все создать, приходится учиться от твоей мудрости! – Влад уже бесился страшно, разве что не шипел.

– Я тебе дал шанс научиться при моей жизни. Оставил на тебя все дела – зачем?

– Чтобы я говорил: «Да, папа!» и шел проверять то, что ты сказал?

– Именно!

Подрезал наглый «гелик» и услышал бибиканье в широкую спину. Только такие и осмеливаются тявкать. Остальные, когда видят «Хаммер» на дороге, заранее убираются. Хорошая машина для военных действий в городе. Так-то я бы лучше «КамАЗ» водил: у носорога плохое зрение, но это уже не его проблема. Но почему-то серьезные люди «КамАЗы» в качестве представительских машин не понимают.

– А я думал, что должен учиться самостоятельности! – Влад совсем перешел на шипение, змееуст наш одомашнен-

ный, посмотрите на него.

Свернул к обочине, нырнул в карман и почти не запер водительское у соседа. Но только потому, что там стоял кроха-смарт, в который я, наверное, и не помещусь. Подхватил с панели телефон, вынул гарнитуру – у меня от них уши болят. И чуть не выронил все на хрен, когда попытался перепрыгнуть через ледяную инсталляцию из накиданного дворниками снега, низкой железной ограды и урны.

– Пока твоя самостоятельность почему-то касается исключительно выбора цвета новой тачки и тяжелых решений – три или четыре выходных брать на этой неделе! – а плевать на все, я тоже не железный, а ему не пятнадцать, чтобы щадить его подростковую психику.

Здесь, на первом этаже дома, был просто джек-пот: сразу три аптеки подряд, дверь в дверь. Решил для начала зайти в дорогую сетевую. Пусть порадуют.

– Это мама тебе... – начал Влад.

– Влад, тебе тридцать лет. Еще раз услышу в таком контексте слово «мама» – и отправишься к ней осваивать азы управления химчистками. Причем мама с тобой возиться так, как я, не будет. Она тебя сразу на приемку поставит, потом руками химикаты засыпать, потом гладить научишься, а под конец улыбаться недовольным клиентам так, чтоб морда трескалась!

И вырубил телефон, заходя внутрь.

Впрочем, в этой аптеке и правда все было в порядке. Мы с

этой сетью дружили, наша реклама висела на всех поверхностях, наша продукция лежала в первых рядах, и даже ручка с блокнотом в окошке были с нашим логотипом. Как вошел, так развернулся и вышел.

В соседнем мелком киоске продавалась только всякая ерунда типа пластырей и презервативов. Тут я только попросил, чтобы новые пастилки от кашля поставили на уровне глаз.

А вот в третьей аптеке, социальной, распухал скандал...

– У вас на сайте написано, что есть одна пачка! – В женском голосе были слезы и даже отчаяние. И что-то еще... Я сразу насторожился.

– Какая мне разница, что там на сайте? Я, что ли, твой сайт делаю? У нас нет! – А у аптекарши родные советские интонации «вас много, а я одна».

– Но на сайте написано!

– Да какая мне разница! Говорю же – нет!

– Ну посмотрите по базе хотя бы!

– Умные все стали... по базе им. Вот, пожалуйста, на Парковой в аптеке ваша пачка.

– Одна? – ахнула женщина у аптечной витрины, и тут я наконец понял, что меня сразу зацепило.

Знакомый голос

– Не было поставок. Вы бы заранее запасались, чтобы не бегать потом с выпученными глазами.

– Но это на другом конце города!

Я ее узнал. Это же та вострепанная птица с пирожными.
Соня?

Они меня даже не заметили.

– Значит, в базе ошибка, ничего поделывать не могу. – Если бы аптекарша могла захлопнуть окошко с треском, она бы так и сделала, но увы.

– А мне что делать? Она же через час закроется! – пролепетала Соня, уже уходя – и поверженная, хлюпая носом и уткнувшись в телефон.

– Соня... – вмешался я, делая шаг вперед.

Она вздрогнула и отшатнулась. Давно на меня так не реагировали. Особенно женщины.

– Вы меня помните? Юлиан. На днях знакомились. Вы... – я не договорил.

– Я помню. Здравствуйте. – Соня растянула губы в напряженной улыбке и попыталась меня обойти. – Извините, мне надо спешить.

– В аптеку на Парковой? Давайте я вас подвезу? – На всякий случай улыбаться не стал, человек не так далеко ушел от зверя, который вид оскаленных клыков воспринимает только как агрессию, тем более в панике.

В ответ получил настороженный взгляд и явное намерение все-таки меня обогнуть, а потом сбежать без вежливых отмазок.

Вздохнул, решил соврать:

– У меня там все равно дела, а вам, смотрю, важно. Не

бойтесь, вы же видели меня в естественной среде – человеческих жертв мы там не приносили и даже русский рэп не слушали, так что вам совершенно ничего не грозит.

Теперь она считает, что у меня тупое чувство юмора, зато так дергаться не будет.

Бросила взгляд на телефон, покусала губы. На лице такое отчаяние, будто я ей родину предлагаю продать за корзину печенья, а не совершаю банальный социальный акт взаимопомощи.

– Мужчина, а что вы хотели! – внезапно решила поучаствовать аптекарша. Непонятно только, она Соню от меня решила спасти или что?

– Хотел попросить жалобную книгу и телефон вышестоящей организации, но видите, спешу! – не оборачиваясь, бросил за спину, и вот это сработало, Соня слабо улыбнулась.

Не стал терять времени, открыл ей дверь и пропустил вперед... и мы тут же оказались перед знакомым сугробом. Хотел предложить подождать, пока я выеду с парковки, но она же сейчас сбежит, испуганная птица. Поэтому пришлось еще раз перепрыгивать, уже помня обо всем ледяном коварстве асфальта и протягивать ей руку:

– Ну же, смелее, я поддерживу.

Но она все равно топталась на месте и то ли не решалась перепрыгнуть, то ли боялась взять меня за руку. Не выдержал – шагнул вперед, подхватил ее за талию и перенес через сугроб. Она испуганно пискнула, но я уже открывал дверь

машины.

– Эта ваша? – И глаза такие огромные. С «КамАЗом» наверняка мои шансы повысились бы вдвое.

В машине не стал помогать ей с ремнем, она и так от каждого жеста в ее сторону дергалась. Просто подождал, пока она возилась, делая вид, что ищу музыку, но как только она справилась, все выключил. Не люблю шум в машине – отвлекает от мыслей и снижает внимание в сложных ситуациях.

Навигатор пробурчал, что доедем за сорок минут, если на МКАДе кто-нибудь об кого-нибудь не грохнется за это время. Ну и отлично.

Соня сидела, вцепившись в сумку, как будто я ее заманил, чтобы ограбить.

Неужели я такой страшный, а?

Решил разбавить напряженную тишину:

– Что за лекарство такое редкое?

– Экрустил. – Соня покосилась на меня и снова замолчала.

Хм... Вот сейчас бы не опозориться, а то Владу по ушам за незнание матчасти надавал, а сам...

– Это ведь дженерик? Оригинал эпталиум?

– Да, все верно.

– А чем он не подходит? В той аптеке он должен быть. Ценой?

– Вообще, да, он в два раза дороже, но сейчас и его бы купила... – Соня вздохнула. – Но маму от него тошнит.

– Так это не вам! – выдохнул с облегчением. Лекарство я знал, и лечили им от очень неприятных состояний. – Кстати, да, я слышал, многие жалуются на тошноту. В дженериках используется другой тип наполнителя, поэтому они могут переноситься легче...

– Вы врач? – спросила она с подозрением. Да что ж такое, что ни скажу – все не так!

– Нет, я... фармацевт.

В ответ я получил еще более недоверчивый взгляд и мысленно треснул себя по лбу. Фармацевт он! На «Хаммере». А вон на той красной «Ауди» впереди наверняка санитарка едет.

– В общем, я советую попробовать другой дженерик – артелин, он с тем же составом, и у нас никогда не бывает с ним перебоев! – бодро закончил я. Палиться, так с музыкой.

Но она не зацепилось за это «у нас». Просто достала телефон и записала название.

– Спасибо большое, – и снова ничего не спросила. Ни про «у нас», ни про фармацевта. Ей вообще не интересно? И не смотрит на меня, старательно вглядываясь в оттенки серого пейзажей МКАДа.

Как-то не привык, что женщины меня настолько демонстративно игнорируют.

У меня самого не получалось толком на нее посмотреть. Ехали шустро, почти не застревая, от дороги отвлекался редко, только и ловил, что проблеск взгляда, поворот головы и

то, как она что-то набирала в телефоне.

Она вызывала у меня нездоровое какое-то умиление.

Следующий раунд неловкого молчания прервала уже Соня – я слишком увлекся размышлениями, почему она так от меня шарахается.

– Я даже не подозревала, какие просторные эти машины внутри. Как будто внутри они больше, чем снаружи.

– Ну я большой, так что и машина мне нужна большая.

– А мне больше нравятся такие маленькие машинки, – она показала на мелькнувшую в соседнем ряду «микру». – Уютные.

– Вы и сама маленькая, а я в такую не помещусь.

– Какая ж я маленькая, – почти весело хмыкнула Соня. – Я же толстая.

Алярм! Алярм! Женщина говорит, что она толстая – нельзя такого допускать!

– Конечно, маленькая! – отозвался убежденно. – Могу доказать.

Я протянул к ней раскрытую ладонь, и Соня автоматическим каким-то детским жестом поднесла свою лапку к моей руке. Таких лапок в моей могло поместиться штуки четыре.

Разница в размерах сразу бросалась в глаза.

А вот то, что у нее на щеках вспыхнул румянец – я совершенно точно знаю, о чем она подумала в свете разговоров про размеры!

Это любимый вопрос флиртующих со мной женщин.

Но эта молчит, держится, не задает.

Может, потому, что не флиртует со мной?

Соня еще раз нервно посмотрела на экран телефона. Я тоже покосился на время:

– Успеваем. Но если что – съездим в другую аптеку. Уверен, что это не единственная пачка на весь город.

– У вас же дела. Я сама, – твердо проговорила она.

Да что ж она сопротивляется любой помощи-то?

И почему меня это так задевает?

Соня: Когда сбывается не твоя мечта

Зачем я согласилась, ну зачем?

Каждая секунда в машине с этим... Юлианом была как в аду на хорошенько разогретой сковородке. И тянулась столетия.

Я не знала, куда смотреть, куда себя деть, что говорить.

Как бесконечно неловкая поездка в лифте с соседями, которые вошли в подъезд, когда ты подпевала и пританцовывала под музыку в наушниках.

Просто в тот момент я представила, что мама полночи будет стонать и «умирать», велит вызвать «Скорую», все равно откажется ехать в больницу, когда она уедет, заставит каждые полчаса приносить ей успокоительный чай, уснет к утру, а я пойду на работу... В общем, мозги у меня выключились, и я согласилась – на метро я бы точно не успела до закрытия.

Теперь я еду в совершенно крышесносной машине, в которой я на всякий случай боюсь вообще ко всему прикасаться, в тепле и быстро, но с каждой минутой становится яснее, что этот мужик ко мне подкатывает.

Ему же лет пятьдесят, наверное. И у него борода. И он лысый. И огромный. Он этой лапищей меня прибить может, даже если просто отмахнется. Ну как, как я могла так попасть?

Я ведь подумала, что он и правда помочь хочет, а не с далеко идущими намерениями.

Покровители дорог были на моей стороне, и я почувствовала, как меня отпускает напряжение, когда увидела табличку на доме «Парковая улица», а следом – вывеску социальной аптеки.

Машина затормозила прямо напротив входа, и я радостно дернула дверцу, даже забыв отстегнуться. Как всегда, запуталась в ремнях, и, пока возилась, Юлиан вышел, открыл дверь и подал руку.

– Спасибо! – Я оперлась, но тут же отпустила его ладонь, едва ступила на твердую землю. – И спасибо за помощь!

До закрытия оставалось больше двадцати минут, мы успели.

– Я прослежу на всякий случай, – и Юлиан снова открыл мне дверь, пропуская вперед.

Под его суровым взглядом я купила все-таки таблетки и даже взяла про запас посоветованный дженерик. Повернулась, отступая назад, потому что он оказался слишком близко. Терпеть не могу эту современную моду на бороды. Он же вроде не юный хипстер, зачем ему? Или у него борода еще с прошлой моды в семидесятых осталась?

– Все кончилось хорошо, большое спасибо.

Но Юлиан не спешил отступать с дороги.

– Соня, можно я на «ты»? Ничего? – Но он не дождался ответа. – Если ты не торопишься, давай заедем куда-нибудь

в ресторан? Поужинаем, поговорим...

— К сожалению, тороплюсь! — Я изобразила на лице максимальное сожаление. Замуж замужем, но все-таки мужчина должен мне нравиться. — Я бы уже побежала, если вы не возражаете.

— Мы же на «ты», — напомнил Юлиан. — А как насчет завтрашнего вечера? Или в субботу?

Настойчивый какой. Почему-то самые упорные как раз те, от кого хочешь избавиться.

— Ужасно много работы на этой неделе, а в субботу у нас творческий вечер в библиотеке. Мне очень жаль!

— Ты работаешь в библиотеке?

А вот сейчас кто-то болтанул больше, чем стоило!

— Я побегу уже, мама ждет! — И я решительно обогнула его.

— погоди, давай подброшу до дома! — он двинулся за мной.

— Мне на метро отсюда быстрее! — моментально соврала я. Еще не хватало, чтобы он знал, где я живу!

Вопрос про телефон я «не услышала», уже ускользнув за дверь.

В метро все-таки пару раз пожалела, что отказалась. Народу была уйма, все в своих куртках толкались, толпились, наступали на ноги, посидеть не удалось, до дома было две пересадки. Ну не сожрал бы он меня за полчаса в машине, правда? Там было комфортно: тепло, не душно, пахло чем-то таким... по-настоящему мужским. Только хотелось бы, что-

бы там был какой-нибудь элегантный длинноволосый блондин, а не это... чудовище.

То есть я знаю, что некоторым нравятся накачанные мужики, прямо все тают, но не мне! Что б ему не пристать к какой-нибудь любительнице?

...Едва я вошла домой, прискакала Филомена и начала тереться о ноги и требовательно мяукать.

– Сонь! Ты, что ли? – это мама из комнаты. Нет, не я, это маньяк отнял у меня ключи, прокрался и гладит кошку в нашей прихожей. – Будешь идти сюда, сделай мне чаю.

Ну вот, ни здрасьте, ни как твой день, любимая дочь.

– Только ты меня любишь... – Я погладила Филомену по спине, она сказала «Мряв!» и помчалась на кухню.

Корм с кроликом она любит, а не меня, меркантильное животное.

Я вздохнула и пошла приносить жертвы великой кошачьей богине. У нее, правда, полная миска корма, но это уже несвежий, понимать надо, целый час, небось, как насыпали.

– Умрешь с тобой, пока ты стакан воды матери принесешь! – а это собственно мать явилась за стаканом воды.

– Поставь, пожалуйста, в следующий раз напоминалку на телефон, что они у тебя кончаются, – попросила я, отдавая маме таблетки. – Не мне же следить за твоими лекарствами.

– Так сложно до аптеки дойти? – проворчала она.

Я решила посоветованное Юлианом лекарство ей пока не давать, матушка и так была не в духе.

– Поблизости не было, пришлось ехать в другую аптеку. – Я достала из холодильника котлеты, поставила воду под макароны и принялась строгать салат. – Есть будешь?

– Ну и съездила, ничего, можно подумать, у тебя дела были. – Мама уселась на свое «хозяйское» место в кресло с подлокотниками, что означало: есть будет.

– Может, и были, – вздохнула я.

Даже если бы они были, какие у меня варианты?

Интересно, как там Ксанка выкрутилась с платьем на бал...

– Чего вздыхаешь? Все по свиданиям скачешь, нет чтобы замуж выйти. – В голосе мамы уже не было раздражения, видимо, лекарства начали действовать. Или ей одной было просто скучно.

– Мам, а как, по-твоему, замуж выходят? – Я вздохнула еще раз, засыпала макароны в кастрюлю и положила котлеты на сковородку. Они сразу зашкворчали, заглушая разговор, но матушка у меня не из тех, кто пугается трудностей.

– Я вот сразу вышла, как захотела! – Она вполне перекивала сковородку.

– Ага, и развелась – трех лет не прошло... – пробурчала я себе под нос, но она, конечно, слышала.

– Зато ты появилась! Единственное, что я от твоего отца хорошее видела!

– Ага, какое у нас поколение одиноких женщин с ребенком, мам? Четвертое?

– И ты могла бы завести. Замуж тебя уже никто не возьмет, так хоть для себя роди!

Я поставила салат на стол и вернулась к плите, наблюдать за макаронами. Что я могла сказать? Сегодня ругаться не хотелось.

– Что молчишь? Неужели даже на один раз себе мужика найти не можешь?

– Зачем? Чтобы дочь выросла такой же, как я?

– А что тебе не нравится? Я была хорошей матерью!

– Все мне нравится, мам. Но своему ребенку такой судьбы я не хочу. – Я положила еды маме и себе, и только взяла вилку, как увидела эти поджатые губы и дрожащий подбородок:

– Я на тебя всю жизнь положила, а ты вот такая, да? Неблагодарная?

Блиииииин...

Я взяла тарелку и молча ушла в комнату.

Филомена побежала за мной. Не утешать, нет. Пушистая жопа точно знает, что в таком настроении мне кусок в горло не полезет и котлеты достанутся ей. Но сначала я ее, конечно, потискаю и, может, даже немного похнычу в теплый мягкий бок.

Потом я открыла «Тиндер» и со злости начала лайкать вообще всех подряд: горячих южных мужчин, которые приотворяются экспатами, тех, у кого на аватаре котик в шляпе, Гомер Симпсон или суровая морда волка, престарелых ловеласов, утверждающих, что им тридцать, хотя на фото все

шестьдесят, требовательных со списками суперважных для избранницы качеств длиной в три экрана – под конец я вообще не смотрела в телефон, просто тыкала лайк, лайк, лайк...

Как будто назло кому-то.

Себе, маме, Ксанке, Юлиану этому, который мне сто лет не сдался, зато он-то обратил внимание!

Разумеется, тут же повалились совпадения. Мужики всегда лайкают всех подряд, а вот пишут только тем, кто и правда понравился. Сегодня у меня не было совершенно никакого настроения писать первой, флиртовать, вытаскивать из них слово за словом, слать «еще фотки, только откровенные» и получать красноречивое молчание в ответ.

Но телефон пикинул еще и еще.

И еще.

Я сначала прошла этот их стандартный квест:

– Привет.

– Привет.

– Как дела?

– Отлично.

– Что делаешь?

– Переписываюсь с тобой.

– Что ищешь тут?

– Клад, грибы, смысл жизни, утерянную невинность, аристократические корни, маму для мамонтенка.

Один из них в итоге прислал фото члена и бледных волосатых ног. Нет, не такого эльфа я хотела...

А второй назвался Арсением и на удивление был ничего. Ставил запятые и точки, начинал предложения с заглавной буквы, признался, что читает фантастику, работает программистом. И у него даже есть машина – «Форд-Фокус», старый, но крепкий, остался от отчима.

Замирая, я все-таки прислала ему фото в полный рост – и получила фотографию от него. На вид он был примерно моим ровесником, хотя и слегка запущенным, но без трудовой мозоли на пузе. Признался, что был женат, платит алименты на сына, но видится с ним нечасто, сама понимаешь, бывшая жена не дает. Любит ходить в походы, делает мебель своими руками, предпочитает классический рок.

И вот это все было так спокойно и мне в тему, что я даже перестала психовать и пошла доедать свои макароны, отвергнутые Филоменой в пользу котлет.

Конечно, я люблю читать романы, в которых принцы со жгучими глазами, романтично растрепанными волосами и кубиками на животе влюбляются в обычных девушек и увозят их в свой новый миллионерский рай. Но в жизни подобные мезальянсы случаются редко.

И даже не потому, что принц не может влюбиться в девушку в пуховике из «Ашана». А потому что девушке, не знавшей другой жизни, кроме утреннего стылого троллейбуса, дешевого растворимого кофе и однообразной работы, сложно прыгнуть на такую высоту.

Мне гораздо проще сесть в скромную машинку без кон-

диционера, чем в то многомиллионное нечто, где я боюсь лишний раз оставить отпечатки пальцев. Даже если бы я хотела замуж за олигарха, я бы просто не смогла вести себя достаточно раскованно. Вот как с Юлианом, не к ночи будет помянут.

То, что он постоянно врывается мне в мысли – это ведь от шока и несовпадения наших миров. Я потрогала пальчиком чужую действительность и поняла, что мне там некомфортно.

А вот Арсений – он понятный.

Юл: Любитель естественных стимуляторов

Сегодня тоже остался в городской квартире.

Уборщица приходит раз в неделю вне зависимости от того, бывал тут кто-нибудь или нет, и, видимо, честно отрабатывает деньги, перемывая и так три раза мытые полы и зеркала. Потому в воздухе пахнет нездоровой чистотой, даже не музейной – лабораторной.

Поэтому я и не люблю эту квартиру. Но она считается нашей «семейной» – с Владом и Ольгой. Здесь стоят на фальшивой каминной полке наши совместные фотографии, сюда Влад стащил все свои футбольные награды, а Ольга – грамоты «Предприниматель года» и «Бизнес-вумен – 20XX». Мои цапки тоже где-то в коробках.

Зал почета несуществующей семьи.

Ближе к ночи спустился в спортзал для жильцов, надеясь, что в такой час никого не будет.

Девушка на ресепшене долго и подозрительно меня разглядывала – последний раз был тут месяца три назад, персонал за это время сменился, уже не узнают. Все же не сетевой клуб, лучшие отсюда только утекают.

В общественном зале, как всегда, все бесило.

Что на тренажере для гиперэкстензии сидит дежурный

тренер и флиртует с какой-то девицей в обтягивающих шортах, которая рядом делает вид, что качает пресс.

Что от молодого парня на дорожке чудовищно несет потом, как будто он в подвальной качалке, и на абонемент денег хватило, а на дезодорант уже не осталось.

Что еще один – толстобрюх с хлипкими ножками – упорно оставляет после себя неразобранную штангу.

Больше всего бесило собственное тело. Два дня не занимался – и вот уже вместо поющих мышц у меня скрипящие, повторы приходится сокращать, и даже самое простое идет через не могу настолько, что к свободным весам лучше пока не подходить.

Ну только еще разок жим от груди сделаю.

Подошел к скамье – там опять неразобранная штанга.

Психанул, навесил свои сто шестьдесят, сделал десятку и бросил так. Пусть этот долбоящер разбирает, может, дойдет что-нибудь.

Тренер, кстати, заметил. Направился ко мне с угрожающим видом. Типа толстобрюха он не замечал до этого, да?

Но я развернулся и улыбнулся ему. Траектория тут же выправилась и привела парня к спортбару.

Там и сиди.

Посмотрел на себя в зеркало, на пробу улыбнулся еще раз.

М-да.

Реально можно испугаться.

Может, встрепанная птица Соня и испугалась.

Вообще, Альберт, конечно, молодец со своими советами.
«Делать то, что никогда не делал».

Вот, пожалуйста, сделал.

И получил именно то, что заказывал – результат, которого не видал уже много лет.

Меня отшила женщина.

Всерьез, а не чтоб цену набить.

И ладно бы такая женщина, из рук которой и кислоту с наслаждением выпьешь. Так ведь нет – средненькая, мышинной масти, полновата, глаза не горят.

Скрипнул зубами. Вроде не мальчишка давно, а задело. Царапнуло самомнение.

За моей спиной, отражаясь в зеркале, та девка, в обтягивающих шортиках, запрыгнула на степпер и бодро так зашуровала. Красивая задница. И шортики эти белые ей идут.

Она повернула голову, мотанув высоким хвостом блестящих черных волос, и поймала мой взгляд в отражении. Улыбнулась, как будто несмело, ухватилась за поручни и так прогнула спину, что рука аж дернулась провести, почувствовать изгиб.

И ничего, эта не пугается и не бежит вон. Зачем взбренилось мне на старости лет начинать эти странные эксперименты? Какую такую любовь я могу пропустить? Если бы там была любовь, я бы вцепился как бульдог, как всегда вцеплялся в самые выгодные дела. Уж в чем меня можно было упрекнуть, так не в отсутствии интуиции.

Не прозанимавшись и десяти минут, девушка в шортах прыгнула со степпера и направилась к спортбару. Тренер это даже отсек, заулыбался. Но, парень, поверь старому и опытному... ага, я так и знал!

Она как бы ненароком прошла вплотную – я как раз вернул гантели на стойку, все равно больше дурью маюсь, чем работаю, и повернулся к залу – и ровно передо мной уронила полотенце. Ну и наклонилась подобрать, демонстрируя отличную гибкость – сложилась практически пополам.

...надо было мне свободные штаны в зал надевать, а то я по привычке домашние шорты, и теперь мое одобрение и восхищение грамотной прокачкой ее большой ягодичной мышцы видны всем, кто потрудится оглянуться.

Она потрудила. И так явно и демонстративно перевела взгляд ниже, что можно было уже, в принципе, не стесняться.

Я и не стал.

Подхватил свое полотенце и тоже двинул к стойке. Разочарованный тренер слился сам, не понадобилось даже намекать.

– Апельсиново-гранатовый фреш, пожалуйста, – попросила она бармена.

– Советую добавить вишневый сок, он снимает воспаление мышц и отеки. Я угощаю, – сел рядом, и она моментально развернулась ко мне. Наконец-то хоть лицо рассмотрю. Косметолог у нее тоже хороший, не только тренер, но с гу-

бами переборщил немного.

— А я бы вам посоветовала фреш из сельдерея и моркови, — она доверительно нагнулась ко мне и положила ладонь на предплечье. — Могу тоже угостить, это в моих интересах... Я — Алла.

Хотя, когда она вот так приоткрывает губы, как бы обнимая невидимую соломинку... ну, пожалуй, и ничего.

— Юлиан. Нет, спасибо. Мне протеиновый коктейль, — выдержал паузу, ловя разочарование в ее глазах, и в последнюю секунду, когда она уже убирала руку, накрыл ее ладонью и добавил: — Не люблю внешние стимуляторы, даже природные. Своих хватает.

— Я... вижу. — Она вновь перевела глаза вниз, а бармен, поставив перед нами стаканы, благоразумно смылся на другой конец стойки.

Говорят, на войне после боя особенно тянет сбросить напряжение, вонзиться в теплое, мягкое, отпраздновать, что живой.

Не бывал на войне.

Мои битвы ограничивались сражениями в суде и разборками между «серьезными людьми». После них никуда не хотелось вонзаться, хотелось выпить, чтобы расслабить сведенные напряжением мозги.

Спорт другой. Он не напрягает.

Он разгоняет кровь, наполняет энергией мышцы. Даже если работаешь на отказ — принял душ, и снова готов.

А у женщин прилив крови вызывает и вовсе неиллюзорное такое возбуждение. Только оглядываясь, меньше жри химии и тщательней подпирай дверь душа.

У Аллы славное ладное тело, затянутое в лайкру, которая ничего не скрывает. Даже подчеркивает кое-что. Торчащие соски под коротким топиком. Обтянутые и набухшие половые губы под шортами. Настолько тонкими, что я могу провести пальцами целую экскурсию. Посмотрите, господа туристы, вот здесь, где сходятся два крепостных вала, хранится самое главное сокровище этого замка. Оно же – секретный способ заставить его впустить внутрь интродуреров. Если запустить лазутчика, который нажмет вот так и потом еще потрет, то – ммм, раздвинутся все преграды и откроются врата рая.

...Алла была сочная девка, но уж больно старалась. Как будто сдавала мне зачет. Нет, ее тело меня не обмануло – оно было безупречным. В нужных местах мышцы, в других – округлости.

Но довольно быстро стало понятно, что она выбирает ракурсы и позы, в которых может продемонстрировать свои успехи в зале и природные достоинства. Стоило мне перевернуть ее как-то иначе, чем на четвереньках передо мной, демонстрируя и задницу, и изгиб, и соблазнительное колышание груди, как она тут же скучнела и старалась вернуться обратно.

Все мои действия сопровождались очень страстными стонами – причем неважно было, что я там делал, трахал ли ее, жестко нанизывая на себя и не заботясь о большем, вставлял ли между чересчур пухлых губ член или долго и нежно ласкал пальцами.

В итоге просто опрокинул ее на спину, развел ноги, прижал всем телом к кровати и дальше изучал пальцами каждый сантиметр кожи, добиваясь хотя бы изменения тональности стонов. Прикусывал и облизывал самые чувствительные местечки на шее, под грудью, на внутренней стороне бедра, на запястьях. Вжимал пальцы внутрь вагины, обводил большим клитор. Шлепал, гладил, трахал: грубо и быстро, медленно и нежно, меняя и чередуя.

Когда я в «Декамероне» читал про «сладостные сражения», я и не подозревал, что речь идет о таких вот боях. Наплевать уже на собственный оргазм, один черт, переходил со стояком, и теперь кончить сложнее, чем продолжать. Теперь дело чести – чтобы она расслабилась и получила удовольствие, а не просто дала об себя подрочить, милостиво изобразив, что ей тоже как-то где-то понравилось.

И в этих сражениях Алла была не на моей стороне. Кажется, она не собиралась сдаваться, пока я не кончу. Предлагала раз за разом какие-то сложные и причудливые практики, которые я разве что пару раз в порнухе видел и был уверен, что в реальности никому от них удовольствия не будет, только картинка красивая. Так, в общем, и оказалось.

Но я победил. Спустя несколько часов она наконец орала и извивалась, разметавшись по постели – совершенно неэстетично взмокнув от пота, покрывшаяся красными пятнами, со спутанными волосами. Но в этот момент она была до безумия прекрасна. А я вымотан так, будто не развлекался, а работал.

Добытый метод ее возбуждения и оргазмов хотелось записать в толстую инкунабулу с листами из телячьей кожи и бронзовыми замками, запереть в глубоком подвале и никому не показывать. Пусть сами добиваются.

Она так и заснула – свернувшись клубочком под одеялом и напрочь уже забыв, что я так и не кончил. Ну и хрен бы с ним, у меня руки еще не отсохли.

Хотя, конечно, выглядело это насмерть смешно – снять девку на один раз, чтобы доставить ей удовольствие, а самому лежать в темноте и думать о том, как я устал от этих понтов. Эти девочки ведь реально думают, что раз они так тяжело трудятся ради шикарного тела, это тело надо почаще использовать. Иначе все зря. Но и толку не выходит, потому что в сексе рулит не накачанная жопа, а что-то совсем-совсем другое. Открытость, что ли?

Бессонница подгрызала корни уверенности в себе. Заставляла думать о лишнем. О том, что раньше я бы с удовольствием перевел Аллу в постоянные любовницы. Все знает, все умеет, вложился я сегодня в нее нехило, чего добра от добра искать? А сегодня думаю, что раз пришлось так вкла-

дываться – то, значит, не мой это человек. А кто – мой?

Встал и ушел на кухню. Даже не стал включать свет, достал бутылку минералки из холодильника и подошел к окну, за которым была почти непроглядная зимняя темнота. Разве что пара огоньков в доме напротив. Может, студенты, может, неисправимые «совы». Четыре утра.

И слава богу, что глухая ночь. А то бы позвонил сейчас Алику и врезал за то, что накапал в мозги этим поиском того, чего никогда не было.

Соня: Карамельные бабочки в животе

Я люблю бывать у Аси. В ее маленькой квартире-студии невероятно уютно: перемигиваются разноцветные огоньки гирлянд и пахнет волшебством – сливочной карамелью, шоколадом, заварным кремом, ванилью, уютом, радостью и верой в чудеса.

Сегодня необычный день – меня встретили запахи лаванды, жженого сахара и базилика. И сама Ася – крошечная блондинка, похожая на Дюймовочку, вся перемазанная сиреневой глазурью и с огромной железной миской в руках, в которой дремлет белоснежное облако взбитых белков.

Она потерлась об меня плечом, что должно было обозначать дружеские объятия, и вернулась обратно в свою волшебную лабораторию, где на плите тихонько булькал желтоватый крем, миксер взбивал сливки, а в духовке подсушивались разноцветные меренги.

Раньше мы с Асей были знакомы только в «Инстаграме», где я просто любовалась ее волшебными пирожными и читала, как стихи, все эти описания: груша-фламбе, кокосовый дакуаз с кусочками малины, фисташковый мусс, апельсиновая карамель, кофейный мусс на английском креме, клуб-

ничный ганаш из белого шоколада... Только читала, потому что Асины творения не для моего бюджета. Но однажды она в отчаянии воззвала к читателям – все курьеры внезапно подвели, у нее куча заказов перед Новым годом, и надо развезти уже готовые торты. У меня как раз был свободный день, плюс к оплате Ася пообещала добавить два пирожных.

С тех пор мы дружим, несмотря на разницу в возрасте – она на десять лет меня младше, и комплекции – из меня можно изготовить две таких, как Ася, и еще немножко останется. Но нам всегда есть о чем поговорить: мне – пожаловаться на маму и неудачные свидания, ей – протестировать очередной кондитерский шедевр.

Сегодня я жаловалась на Арсения, а Ася украшала уже готовые торты. В воздухе висели облачка золотой пыли, стол покрывали разноцветные брызги глазури, из причудливых шоколадных деревьев выпархивали бабочки с тончайшими леденцовыми крыльями – в общем, в этом доме, как всегда, творилось волшебство.

... – Первое, что он сказал – в твоём возрасте уже надо носить короткую стрижку и красить волосы. Я спрашиваю, а волосы-то зачем? А он говорит – чтобы седину не было видно!

– У тебя же нет седины? – Ася так удивилась, что даже оторвалась от золочения крыльев бабочкам и полезла рассматривать мою голову.

– Я ему тоже сказала, что нет, а он говорит – все равно

неприлично! И еще, говорит, в следующий раз надень юбку. Говорю – холодно же! А он – женщина должна показать мужчине, что он ей важен и она готова на жертвы!

– Вот придурок, – нежным голосом припечатала Ася и дунула на бабочку. Я почти ожидала, что эта бабочка расправит крылья и улетит, но вместо этого блестящая сиреневая пыльца покрыла поверхность торта, стол, окно за ним и заодно меня.

– погоди, это еще не все!

– То есть он выжил? – деловито уточнила Ася. Никогда не понимала, как в этом хрупком небесном создании генерируется столько кровожадности.

– Ась! – я посмотрела с упреком. – Ну мало ли у кого какие закидоны?

– Скажи, что он хотя бы в кафе тебя отвел?

– В парк. Рассказывал о том, как делает мебель своими руками, что вот недавно выбирал новую шлифмашину и разбирается в них теперь лучше, чем любой продавец-консультант. Предлагал зайти в строительный супермаркет в следующий раз и подойти в отдел инструментов, чтобы он задал вопросы и я убедилась, что он знает лучше.

Ася ничего не ответила. Молча продолжала рисовать бабочек. Отставила один торт, взяла другой, встряхнула баллончик с шоколадным велюром. На меня она не смотрела. На мордах леденцовых бабочек проступило скептическое выражение. Запах карамели сменился жгучим ароматом корицы.

Возможно, мне даже не казалось – этот дом был Лавкой Чудес, где твориться могло всякое.

– А потом начал показывать, какие он делает столы и стулья, – это было даже хуже, чем рассматривать чужие фотобомбы с голыми младенцами.

– И как? – Асины бабочки тоже приподняли головы, чтобы узнать. Или у меня уже передозировка какао-масла от взвеси в воздухе? В дом кондитера надо приходить с солеными огурцами – для возвращения в реальность.

– Ну как... У тебя в школе труды были ведь? Там мальчишки делали табуретки.

– Не было. – Ася аж содрогнулась, и слой велюра лег на торт неровно, разъехался и стал выглядеть неопрятно.

Она задумалась на секунду, а потом взяла кувшинчик с зеркальной глазурью и щедро плеснула на неудачную сторону торта. Гладкая лиловая глазурь и шершавый оранжевый велюр так дополнили друг друга – разницей цветов и разницей фактур, – что получился маленький шедевр. Мне бы было жалко его есть.

– А у меня были, и вот эти колченогие чудовища немного подготовили меня к тому, что я увидела на фоточках. Но я, конечно, восхитилась. Арсений был очень рад, сказал, что, несмотря на то, что я женщина, кажется, я понимаю что-то в его редком ремесле.

– Ну вот мы тебя и пристроили. Мужик, конечно, жлоб и кретин, зато всегда заработает на корочку хлеба косой табу-

реткой, есть о чем поговорить, и... Скажи мне, чем все закончилось? Я предвижу достойный финальный аккорд.

– Он сказал, что хорошо, что сейчас в моде равноправие и можно после свидания девушку не провожать. И ушел домой.

– Какая я молодец! – Ася похлопала в ладоши над головой. – Ты ведь согласилась на второе свидание, правда? Таких нельзя упускать.

Ася убрала последний торт в холодильник, открыла окно, забралась на подоконник и ловким движением выудила пачку сигарет из-за вытяжки. Зачем она их каждый раз прятала – загадка. Жила она одна, ни от кого скрываться не нужно.

Кухня как будто присмирела и перестала казаться магической лабораторией. Просто заляпанный стол, старая плита, немытое окно, гора грязной посуды в раковине, усталая маленькая блондинка с ожогами на пальцах. Никакого волшебства – обычное ремесло. Если без любви.

– Сначала он казался нормальным, – я вздохнула.

Выглядел немного как безумный художник – длинные волосы, собранные в хвост, тонкие нервные пальцы, строгое черное пальто. Такой изысканный романтик, все как я люблю.

Я ведь было обрадовалась, что вот, отдала обратно судьбе бородатого Юлиана, и мне взамен в столе заказов выдали годного мужчину – так ведь фиг.

Пролистываешь тысячи фотографий, лайкаешь сотни,

диалог начинается с десятками, до встречи доходишь с единицами.

А потом все сначала.

Почему я не могу найти обычного мужчину, без отклонений, просто своего уровня?

– Может быть, тебе в «Тиндере» поставить другую страну? – предложила Ася. – Выйдешь замуж куда-нибудь в Швецию, я к тебе в гости буду ездить.

– Я языков не знаю.

– А ты ищи тех, кто учит русский.

– Да кому я там нужна!

– Ну вон тому, на «Хаммере», оказалась нужна, – хитро улыбнулась Ася.

– Ася! У него борода! Он лысый!

– Совсем лысый или бритый? – Она почему-то заинтересовалась.

– Не присматривалась. Ручищи эти еще огромные! Не, слушай, мне эти опухшие качки даже в юности не нравились, а сейчас уже поздно учить собачку новым трюкам.

– Просто попробовать, не? Вдруг это твоя судьба?

– Только потому, что я третий сорт, я должна соглашаться на то, что мне вообще не нравится?

На выстуженной кухне больше не пахло сладостями.

Конечно, Ася не скажет это вслух. Никто не скажет – в лицо. Но все подумают, что я могла бы меньше выпендриваться, раз за мной не стоит очередь. Или «заняться собой»,

чтобы подогнать свое тело под стандарты современной моды. Без этих стандартов кто же будет разглядывать мою уникальную душу?

В «Маленьком принце» была история про ученого, которого никто не слушал, пока он не переделался в европейскую одежду. И наверняка все эти люди, когда читали, соглашались с автором, что главное – внутри, а не снаружи. Но как только дело доходит до реальной Сони – все меняется.

Не знаю, о чем в этот момент думала тоже погрустневшая Ася, но, поймав мой взгляд, она вдруг улыбнулась, тряхнула головой, распуская волосы, собранные в пучок, чтобы не мешались во время готовки, и хлопнула в ладоши:

– Ладно, у меня есть предложение, подкупающее своей новизной, и отказаться от него ты не сможешь! Капкейки «красный бархат» с лимонным курдом, взбитыми сливками и миндальной крошкой!

– Ты хочешь лишить своих клиентов их радости?

– Сделала с запасом, ни один не испортила, и мы тоже заслужили радость! Я сегодня сделала двадцать пять заказов, а ты ходила на свидание с Мистером Долбохреном Года.

– Ты его все-таки переоцениваешь, – покачала я головой, подвигая к себе капкейк. Кроме шапочки взбитых сливок на нем еще топорщился цветок из пищевого золота и торчали тонкие карамельные усики. – Уверена, что на этот титул есть и другие претенденты.

Ася хотела что-то ответить, но тут в кармане ее джинсов

завибрировал телефон. При ее комплекции это выглядело так, будто вибрирует вся Ася. Она прижала палец к губам и ответила:

– Алло! Да, «Асины сладости» – это я.

Начинать без нее было нечестно. Но ждать тоже было выше моих сил.

– Да, можете сделать заказ прямо сейчас. Для мужчины? Могу предложить брауни из темного шоколада, пропитанный торфяным виски. И сверху соленая карамель. Нет? Ах, вам муссовые понравились. Тогда ореховый мусс с прослойкой... С виски? Хорошо, черешня с виски, идеально!

Я тихонечко лизнула бок одного капкейка. Ася сделала страшное лицо.

– Да, завтра успею, у меня есть заготовки. Курьер тоже есть, конечно. Сбросьте адрес в смс, пожалуйста. Вечером после семи, договорились.

Ася выключила телефон и, глядя на то, как я отгрызаю кусок капкейка, задумчиво сказала:

– Сонь, а ведь это твой Юлиан...

...не пошел мне впрок «красный бархат». И манговым кули я тоже поперхнулась. Только и прохрипела сквозь кашель:

– Он не мой!

– Заказал пирожные. Курьером. К себе домой. Особенно настаивал, чтобы не я привозила, а именно курьер.

– Думаешь... – Я сделала большие глаза. На самом-то деле у Аси есть ее обычный курьер, студент Санечка, а я помогаю

в редких случаях. — Думаешь, он хочет именно меня?

— Я не знаю, Сонечка. Знаешь, что такое бритва Оккама? Какова вероятность, что описанный тобой brutальный мужик вдруг проникся моими пирожными?

— Что, brutальные мужики уже сладости любить не могут? — обиделась я за них.

— Обычно они стесняются и заказывают вроде как для своей девушки. Если мы не параноим и он правда хочет видеть именно тебя, то эта отмазка не проходит...

— Может, он отважный и принимает себя любим, в том числе сладкоежкой?

— Все может быть. Даже то, что он хотел Санечку, а не Сонечку. И потому заказал «мужские» вкусы.

Мы помолчали. Санечку в этом случае было жалко.

— Ну что, — вздохнула Ася. — Отвезешь завтра?

Юл: Слишком много увлечений

Сижу дома и жру чертовы сладости.

Что вообще значит – «мужские» пирожные?

Мужские вкусы?

Когда мир успел сойти с ума до такой степени, что хер в штанах мешает что-то есть? Или наоборот – разрешено только тем, кто с хером?

Орехи, шоколад, виски и черешня, стало быть, мужикам разрешены.

А если я захочу малины – меня погонят ссанymi тряпками? Или персиков?

Хотя есть персики – разве не это подобает настоящему мужчине? А огурцы, стало быть, тогда не есть... Или я не так понимаю эту логику?

Все это какая-то дичь.

Потер лоб, глядя на строгую черную коробку с разноцветными полусферами внутри. Озадачили меня, конечно, не пирожные.

Экий я скромный и долбанутый – вместо того чтобы просто узнать у этой кондитерши телефон пугливой Сони, замутил сложную схему.

И открыл дверь весьма щуплому парнишке. Могли бы его и подкормить своими пирожными. Не стал уж предлагать.

Пирожные.

От слова «пирог». Кусок теста и начинка. Откусываешь и жуешь. Но жевать в этих пирожных совершенно нечего. Даже пресловутое ореховое что-то там выглядит как нежный крем, который только чудом сохраняет какую-то форму. А внутри спрятана прослойка из ягод с ядреным вискарем. Если отвлечься от того, что настоящему мужику теперь подobaет даже пирожные жрать со вкусом мяса, – то ничего, интересно.

Нет, так дело не пойдет.

Решил проверить, что скажет судьба и интуиция – столкнет нас с ней в третий раз? Ну и помог немного, подстроил удобный случай, как в школе, когда как бы ненароком гулял под окнами девочки, в которую влюблен.

Что характерно – с тем же результатом.

Ну нет так нет. Доедаю пирожные и возвращаюсь на хрен домой, в свою берлогу. Влад тут справится и один, а весной прекрасные леди вылупятся из своих шуб, курток и дубленок, покажут товар лицом, тогда и разберусь со своей личной жизнью.

И заодно отстану от женщины, которая явно показала, что я ее не интересую. Что за детский сад – застревать на каждой невзятой крепости? Думал, что давно перерос эту свою дурь.

Прошелся по квартире – за несколько дней обжил ее так, что уборщица, небось, в обморок грохнется. Да, «обжил» – это эвфемизм слова «засрал».

На стеклянном столике в прихожей – визитка. Подобрал:

«Алла Евгеньевна Соколова, фитнес-коуч». Фитнес-кто?

Да неважно. Ну слава богу, у меня с годами женщины стали приличнее, раньше могли телефон помадой на зеркале на-малевать и пару поцелуев сверху.

Перевернул визитку – отпечаток губ.

Несколько секунд стоял, глядя на картонку со смазанной помадой на ней.

...Ладно.

Подхватил первый попавшийся под руку свитер, натянул, одновременно нашаривая на полочке ключи и запихиваясь в зимние кроссовки.

Семь вечера? Наверняка успею.

Соня – это сокращение от какого имени?

От Софьи же?

Интересно, сколько Софий может работать во всех библиотеках Москвы?

Я человек увлекающийся.

Иногда даже слишком.

Сначала увлекся юриспруденцией. Потом фармацевтикой.

Переставал есть и спать, упарывался до такой степени, что все конкуренты отходили в сторону в ужасе. «Не дай бог стать как он».

Там, где другие, более талантливые, сдавались – я шел до конца.

И всегда – всегда! – добивался того, чего хотел.

Хотел стать адвокатом номер один, чтобы мой телефон передавали друг другу в крайних случаях: «Очень дорого, но если возьмется – можешь расслабиться», – и еще годы после того, как завязал, мое имя было синонимом избавления от больших проблем.

Хотел выиграть в «наперстки» с системой: построить честный фармацевтический бизнес и выжить – ни одной взятки не дал из принципа. И выиграл. Старая репутация, конечно, помогла.

Хотел выкачаться из дрища, которым был всю свою жизнь, в нормального бодибилдера – как обычно, в хард-режиме. Без химии, чисто на упрямстве. И выкачался за несколько лет, да так, что старые друзья узнавать перестали.

А потом взял в руки стамеску – захотелось кое-что довести до ума в резьбе на старом буфете. И пропал – очнулся, когда заказы на мои изголовья, горки и кресла превратились в очередь больше года длиной. Пихнул в фарм-бизнес сына, пусть учится плавать сразу на открытой воде, а у меня другие дела появились. Влад как раз стал зубы щерить: доказывать, что лучше меня понимает процессы. Кажется, он до сих пор не осознал, что тогда случилось и почему у нас не было традиционной войны отцов и детей.

Всегда чувствую эту грань – когда еще можно удержаться, не нырять с головой в очередное увлечение, отойти.

Но никогда не отходил.

Поэтому вместо того, чтобы позвонить нормальным ребя-

там и заказать найти эту Соню по библиотекам, я просто еду наугад – к той аптеке, где я ее встретил, а там уже смотрю по карте, где ближайшая библиотека.

И угадываю.

Хлопает дверь, накатывает запах бумажной пыли, резко включая щемящую ностальгию, когда я в юности проводил часы и дни в читальных залах Ленинки.

Навстречу встает со стула гардеробщица, но замирает в недоумении – у меня ни куртки, ни пальто, да и не слишком я похож на завсегдатая районных библиотек.

Прохожу в дверь с табличкой «Абонемент», сопровождаемый запоздалым:

– Бахилы!

Ну что ж.

Когда я в потоке, интуиция не подводит. Соня здесь.

Она стоит, склонившись над стойкой, листает коричневые хрупкие страницы книги, захлопывает ее, пишет что-то на карточке. Кусает губы и отводит волосы машинальным жестом, открывая маленькое розовое ушко с капелькой-сережкой. Задумывается, опускает глаза – и тени ресниц очерчивают темные полукруги на светлой коже.

Слышит мои шаги, поднимает голову и округляет губы в удивлении. С нее сейчас только комиксы рисовать – настолько выражение ее лица идеально передает эмоции: удивление, потрясение, испуг, злость, решимость. И вежливая улыбка-маска, совершенно не скрывающая опасливую на-

стороженность, которая осталась после яркого калейдоскопа выражений ее лица:

– Добрый вечер! Чем могу помочь?

Просто стоял и смотрел ей в глаза.

Ну сама-то как думаешь?

Она упрямо сжимала губы и старалась отводить глаза, но все равно возвращалась взглядом ко мне.

Сначала засматривалась на свитер. Да, свитера у меня пестрые – мимо без эпилептического припадка не пройдешь.

Потом поднимала взгляд выше, и на этом месте сдавалась.

– Да вот, решил почитать что-нибудь. Что у вас есть?

Огляделся. На стенде плакат «Неделя научной фантастики» и книги в ярких обложках с людьми в скафандрах и космическими кораблями. Надо же, я думал, НФ умерла вместе с СССР – покорение космоса, изобретения, социальные революции. А сейчас остался только ближний прицел – постапокалипсис и антиутопия. Не то.

На обложках незнакомые имена, некоторые даже русские.

Правда, что ли, взять почитать?

– Вы записаны к нам?

Какая вежливая Соня.

– Мы же вроде на «ты» были? Нет, не записан.

– Паспорт ваш... твой, можно? – поправила и бросила странный взгляд.

Кто бы что ни говорил, а это личное обращение делает дистанцию чуть меньше

– Да, вот. Кстати, смотрите, местечко свободное есть в семейном положении.

Очень удачно каждый раз женился и разводился – перед новой заменой паспорта. Так и не узнал, что происходит, если места для нового штампа не хватает.

Сейчас и вовсе чист – после сорока пяти жениться еще не успел.

И вдруг понял – а ведь это будет уже навсегда.

Понятно, что можно развестись, а потом потерять паспорт, но без чистерства – навсегда. Последний паспорт, последний брак.

– Вы у нас не прописаны.

– Серьезно?

Кивает, как будто это правда важно.

Уверен, что отказывать в записи в библиотеку по территориальному признаку незаконно. Могу даже заморочиться и найти документы. Но если ей хочется в это поиграть – почему нет?

Достаю телефон из кармана:

– Требуется постоянная регистрация или временная? Свидетельство о собственности подойдет?

Она моргает, я улыбаюсь.

– Если придется купить квартиру в этом районе ради регистрации в вашей библиотеке, придется покупать. Где еще я почитаю так хорошо подобранную фантастику?

Ее взгляд падает на книги на стендах, тень удовольствия

пробегают по лицу. Надо же, сама собирала? Ну что ж, в любви к фантастике мы сойдемся.

– Юлиан...

Она откладывает ручку и паспорт и наконец поднимает на меня ореховые глаза.

В них совсем нет страха или смущения.

– Да, Соня?

Она протягивает мне паспорт обратно.

– Давай не будем вот это все?

– Почему нет? Кстати, лекарство маме подошло?

– Еще не пробовала... – теряется на секунду. – Может, хватит?

Я забираю паспорт, но ловлю ее пальцы и удерживаю – слегка, чтобы можно было при желании вырваться. Но она как-то столбенеет и не делает попыток освободиться.

...и в целом я понимаю, что сейчас надо сказать что-то такое убийственное, чтобы моментально ее убедить. Уговорить хотя бы поужинать. Но держать ее маленькие пальчики такой кайф, что я бездумно и бестолково просто наслаждаюсь этим моментом, глядя ей в глаза.

– Ты такая маленькая...

– Я не маленькая, – и вот теперь выдергивает пальцы и начинает нервно перекладывать бумаги с места на место, листать журнал, отводить волосы от лица.

– Соня...

– Что?

– Просто забавное имя – Соня. Сплюшка.

Она теряется, не зная, как реагировать, а я понимаю, что ни одна из моих обычных стратегий сейчас не работает. Просто не сработает – и все. Потому что обычно у женщин всегда есть цена. Даже если я им не нравлюсь, они готовы рассмотреть возможность побыть немного в моем обществе, если я заплачу за это.

Упасите черти, не деньгами.

Далеко не деньгами, с этого уровня уходишь довольно быстро.

Временем.

Вниманием.

Помощью и поддержкой.

Местом в своей жизни.

Женитьбой, в конце концов.

Соня же смотрит на меня всеми своими эмоциями наружу – любопытством, настороженностью, наивностью, легкой усталостью и – может, мне кажется, но все-таки симпатией? И ждет – когда я проявлюсь, покажу, что же я такое. Откроюсь навстречу, как она открыта миру.

Поспорю на свою утерянную коллекцию марок, что с личной жизнью у Сплюшки швах.

Люди, особенно мужчины, не понимают такого подхода. Им надо давать конкретные задания, по которым можно работать. Ты мне, я тебе. Скажи, что делать, я сделаю.

А если не сказать, то и не сделают – тебе ж не надо.

И все, что я могу сделать, чтобы она меня приняла – показать, кто я. Убедить в своей безопасности. Заинтересовать. Тоже раскрыться.

Оно мне надо?

Весь этот геморрой, вместо здорового секса и удобства без претензий?

Да ни боже мой.

Поэтому я разворачиваюсь и...

...спрашиваю:

– Ты когда работать заканчиваешь?

– А что?

– Подвезу до дома.

– Я тут рядом... – она осекается. Проболталась!

– Значит провожу.

Оборачиваюсь на стук двери и цоканье каблучков. Женщина лет тридцати-сорока, видимо, Сониного коллега. И тот момент, когда она меня замечает, можно услышать – у нее даже походка меняется и каблучки начинают выбивать куда более замысловатую мелодию. Подходит, опирается на стойку и встряхивает волосами:

– Хотите записаться в библиотеку? – И сама смеется от такого предположения.

– Так вы до восьми? – Я бросаю взгляд на часы и говорю Соне: – Я тебя на улице подожду.

Меня не видно на улице в темноте, зато хорошо видно, что творится в освещенном теплым светом зале библиотеки.

Соня разговаривает с коллегой и то и дело оборачивается на окна – очевидно, речь идет обо мне.

...Как бы она ни тянула время, а выйти с работы все равно пришлось.

Был готов к тому, что сейчас меня снова пошлют на фиг, но мы мирно дошли до Сониного дома, и все это время я задавал исключительно безобидные вопросы о фантастике. Все невинно и чинно, как в восьмом классе.

Посадил ее в лифт и вернулся к машине.

Пожалуй, стоит пообщаться с ее подружкой...

Соня: Мечты и реальность

Утром Ксанка меня обрадовала:

– Я нашла тебе жениха!

– Не поняла? – Я выпрямилась, уронив сапог. Она застучала меня в раздевалке. Я была немного зомби с недосыпа – вчера легла поздно, потому что нервничала. Думала о Юлиане, пыталась его понять, и не получалось.

Даже «Тиндер» забыла открыть.

И тут мне на работе такие заявки от подруги.

– У моего брата друг, бывший одноклассник, сейчас живет в Берлине, ищет женщину. Пашка говорит – красивый.

– Ему откуда знать? – проворчала я, переобуваясь в туфли.

Отперла абонемент, села за стойку и тут же покосилась на стенд. Вчера я убедила Юлиана, что драконы могут быть научной фантастикой. Он чуть было не вернулся в библиотеку, чтобы записаться, сразу взять книгу Шумила и убедиться.

– Недавно развелся, не хочет там никого искать, говорит, немки все страшные.

– Я тоже страшная, – рассеянно переложила журналы с места на место, пытаясь понять, что я забыла и чем надо сразу с утра заняться.

– Но не настолько! – Ксанка осеклась и смутилась. – В смысле, Сонь, он вообще про другое. Они там все феминист-

ки независимые, ни котлет, ни детей. А ты нормальная, семью вот хочешь. Ты ему подойдешь. Его бывшая, кстати, тоже была пухлик. Он таких любит.

– Ну спасибо.

– Ой, Сонь, не обижайся, ты же сама не хочешь худеть. Вот и поклонник у тебя... большой. Ему, наверное, все равно, – и она сделала лицо «ну расскажи все скорее».

– Ксан, давай поработаем?

Вчера я не расставила книги по местам, запуталась, забыла. И надо подготовить место – днем тут кружок английского для пенсионеров.

– Ни слова из тебя не вытянешь, а еще подруга! – Ксанка надула губы, но всерьез она обижаться не умела. – Где подцепила такого? Или тебе мой жених теперь не нужен? А то смотри, себе оставлю! – Она подсунула мне под нос экран телефона с фотографией.

Мужик был хоть и не маленький, но до Юлиана не дотягивал, конечно. И не сказать, чтобы худенький. Зато с отпечатком интеллекта на лице и длинными волосами.

– Ты права, симпатичный, – вынуждена была согласиться я. – Правда, с бородой.

– Твой поклонник тоже бородатый.

– И мне не нравится.

– А у Кости сейчас бороды нет! – возликовала Ксанка.

Акции неведомого Кости моментально взлетели на моей внутренней бирже. А уж когда она пролистнула и показала

фото, где он в образе аристократического героя на коне, так и вовсе захотела с ним познакомиться побыстрее. В Берлине, опять же, живет. Вдруг да сбудутся Асины мечты, и я еще и за границу уеду? Эх, мечты, мечты...

Но вообще странно, что я не подумала о такой стратегии раньше – поспрашивать родственников и друзей, нет ли у них знакомых свободных мужчин. Правда, я не сказать, чтобы ценный приз. Но вот Косте же нравятся «пухлики»?

– Так что, дашь от ворот поворот своему Валуеву? – потребила меня Ксанка. Про предложение поработать она уже благополучно забыла. – Или придержишь на всякий случай? Ты смотри, Костя наш, хоть и хорош, и работает в медицинской индустрии, а твой побогаче будет. Ты его тачку видела?

– Это, Ксан, еще один минус, помимо бороды, – вздохнула я.

– Да ты совсем с ума сошла, какой это минус? – возмутилась она. – Даже если она кредитная, прикинь, сколько он зашибает, если такой кредит дали?

– И ты думаешь, он ищет что-то серьезное? Я в жены таким не гожусь, сама понимаешь. У него выбор ого-го.

– Зато ты добрая, хозяйственная и умная!

– К нему очередь выстроится добрых, умных, хозяйственных, а в нагрузку – красивых, стройных и с красным дипломом по «Камасутре». Или девственников – кому что нравится.

– Нет, ну слушай, есть же всякие знаменитости, которые не на красавицах женились. Этот, Росомаха, который с ког-

тиями. Ты его жену видела? Щас покажу! – Ксанка снова полезла в телефон, искать «этого с когтями» и его жену, а я воспользовалась паузой, чтобы подхватить стопку книг и отправиться их разносить.

– Твой Росомаха не в России живет, Ксан! – оставила я за собой последнее слово. – Кыш работать!

Часа в два, когда я уже была готова выставить табличку «Перерыв» и спрятаться в подсобке с чайником и своими бутербродами, в зал абонемента вдруг вошел курьер в ярко-красной куртке и с огромным букетом разноцветных роз.

– Здравствуйте, вы Соня? – улыбаясь, спросил он. Хорошо, наверное, работать доставщиком радости.

– Я Соня, – кивнула я.

– А у меня как раз букет для Сони! – обрадовался курьер. – Распишитесь!

И он оставил меня считать розы. Их было тридцать пять. Желтых, белых, розовых, алых, темных, как кровь, зеленоватых, оранжевых и даже синих. И маленькая квадратная карточка с одной буквой Ю, как будто я бы и без этого не догадалась, от кого такое.

Вот тут я заподозрила, что просто так от него не отделаюсь. Одна надежда – свалить в Берлин.

В подсобке нашлась банка подходящего размера. Но как нести его домой? Ксанка же заметит и снова начнет спрашивать, где я подцепила такого настырного Юлиана. А дома ма-

ма, и она тоже не упустит случая прокомментировать. Придется оставить на работе, забегать сюда иногда и любоваться.

Пусть Юлиан и не герой моего романа, а все равно приятно. Ужасно приятно, если честно.

Ксанка сегодня бежала домой пораньше: дочь сидела на продленке, надо было забрать. Мама ее взбунтовалась и наотрез отказывалась оставаться с внучкой, пока Ксанка не представит «своего мужчину» родителям. А кого представлять? Женатого кобеля?

– Я Косте дала твой скайп, позвонит вечером, жди! – прокричала она мне напоследок.

Я надеялась обойтись пока просто перепиской... Ну да ладно.

Вышла из библиотеки и тут же наткнулась – сложно было не заметить! – на Юлиана, ждавшего меня, прислонившись к машине.

Я ожидала, что он спросит про букет. Или снова начнет приглашать в ресторан. Или хотя бы возьмет за руку. Но он вообще ничего не делал. Просто шел рядом, а потом начал рассказывать, что книгу уже прочитал, что, конечно, это не совсем НФ, хотя подробностей технологического плана достаточно много, чтобы можно было сравнить даже с «Марсианином», я что-то такое угукала в ответ, но думала о том, какая у него была в тот раз теплая ладонь. Такая... уютная и надежная, как будто кто-то взял за меня ответственность и теперь будет защищать. Непривычное ощущение.

Так что всю дорогу вещал Юлиан. И попрощался у подъезда, как в тот раз. Только в этот момент я вспомнила, что меня ждет разговор с... как его? Костей?

Прикольное ощущение – быть востребованной. Интересной мужчине. Мужчинам. Не одному.

Я успела только разогреть ужин, а поесть уже не успела – телефон запиликал вызовом в скайпе.

Под упрекающим взглядом мамы – ужин готовила она, и сегодня была ее фирменная курица на соли, я смоталась в свою комнату.

– Привет, – раздался мужской голос, и сразу замигало требование видеозвонка.

– У меня интернет плохой, – соврала я и приняла только аудиовызов.

Но Костя все равно включил свою камеру.

За столом сидел вполне себе симпатичный мужик. Прямо совсем окей, – и волосы длинные, и вместо черной эспаньолки, что была на фотографиях, – просто сексуальная небритость. Можно было, конечно, поискать в нем недостатки, но я решила не зажираться.

– Костя. – Его руки вертели, крутили, перекладывали предметы на столе, за которым он сидел. – А ты, наверное, Соня? Я буду на «ты», хорошо? Я как-то отвык от ваших церемоний. Ну что, Соня...

Он посмотрел в камеру на одну секунду, а потом снова уставился на свои беспокойные руки.

– Привет, – сказала я.

– О, какой приятный голосок. – Он откинулся на стуле и как будто расслабился. – Ну что, Соня, расскажи мне, как тебе живется. Была замужем?

– Нет, – поежилась я.

Я помнила истину про то, что после тридцати свидания больше напоминают собеседования, но как-то он совсем прямо...

– А я вот был. Не замужем, а женат, конечно, ты не думай, я тут не совсем оевропеился. Но условия развода тут такие, что ой. Права женщин, ты понимаешь, у мужчин все отобрать и им отдать.

– Угу, – сказала я. Ну пострадал человек, бывает.

– Понимаешь... – он устроился поудобнее, а пальцы наконец обрели цель – появилась упаковка табака, пачка бумаги, машинка для самокруток, и Костя стал вертеть их автоматически, почти не глядя. Зато было ясно, что это раньше была за суета – он делал то же самое, но в воображении, как актерское упражнение. – Я ведь первый сюда приехал, ее потом привез. Мне все говорили, зачем тебе свой самовар, найди тут нормальную, восточные немки почти как наши. Но я же обещал ей, что наши дети вырастут в нормальной стране. Через год она уже не носила каблуки и не красилась. Через два даже платья перестала надевать, нашла работу, стала на меня покрикивать. Через три оказалось, что я, оказывается, не могу составить конкуренцию самому паршивому дойчу.

А ведь в России за ней очереди тоже не стояли!

– Угу, – сказала я.

– А женщина ведь должна быть какая? А? Какая? – Он скрутил несколько папирос, взял одну, прикурил от спички, глядя куда-то вверх, словно там была нарисована какая-то правильная женщина. – Она должна быть легкая, воздушная, беззаботная! Женственная, понимаешь? И чтобы все домашние дела она делала, не теряя этой женственности! Без вот этого нытья, что надоело готовить или полы мыть тяжело. Если тебе тяжело любимому мужчине готовить, ты ведь его не любишь!

– Угу, – сказала я.

– Вот мне после развода никто не готовит, и я прямо чувствую, как уходит энергия. Еда что, еду я и сам могу купить в супере, а кто вложит душу? Она мне говорит – я тебе не кухарка. А зачем я женился, если я могу и сам купить все готовое?

– Угу, – сказала я.

– Да ты замужем не была, небось и не пробовала женского счастья. – Его глаза, все это время нервно бегавшие по всей комнате, вдруг остановились на камере, и я вздрогнула от пронзительного взгляда. – Страшненькая, да? Включи уже камеру, что ли, чего стесняться.

– Так связь плохая, зависнет все, – снова попыталась отмазаться я.

– Да ерунда, ну зависнет пару раз, я хоть тебя разгляжу.

Представляешь, дожили, на женщин тут не поглядеть, засудят. Ну, давай, не стесняйся, – он выпустил колечко дыма.

Мой палец дрогнул, но я все-таки нажала на кнопку с камерой. Чуть не зажмурилась. Внезапно вспомнила, что на стене в комнате висит плакат с Томом Хиддлстоном в роли Локи, что он обо мне подумает?!

Не Локи, конечно, а Костя.

Который крайне внимательно рассматривал меня на экране, даже голову склонил набок. Затянулся еще пару раз и вынес вердикт:

– Да, пухловата... Давно, небось, без мужика, а? Давай, все свои, когда у тебя секс был последний раз?

Я стала честно вспоминать.

С Игорем мы расстались в начале зимы.

Он был неплохим мужчиной, заботливым, умным. Но очень уж инфантильным: в сорок еще жил с мамой, готовить умел только яичницу и искренне полагал, что унитаз самоочищается, ведь там же вода!

В общем, я выдержала где-то полгода.

Зато этот роман мне сейчас пригодился – не хотелось выглядеть даже в собственных глазах легкомысленной женщиной, у которой одни случайные связи в анамнезе.

– Три месяца назад, – отчиталась я.

– В смысле? – Костя снова пристально посмотрел в камеру, как будто мне в глаза.

– Ну, секс был...

– Три месяца? А до этого?

– До этого полгода, а до этого...

– Обалдеть... – прервал меня Костя. – Чертов Дойчланд.

У толстушки секс чаще, чем у меня!

...Ася чуть не свалилась с табуретки:

– Ты серьезно ему ответила?! Честно?

– Ну, а что я должна была сказать?.. – смутилась я.

– Что ты девственница.

– В тридцать пять?

– Ну ладно, один у тебя был, но давно, а с тех пор пятнадцать лет все паутиной заросло, и ты ждешь не дожدهшься, когда он...

– Ася!

– Что Ася! Такое ощущение, что я мужиков знаю лучше тебя! Всегда ври!

Я было собралась поперхнуться от такого совета, но давиться шоколадным пирожным, пропитанным лимонным ликером, с кремом из маскарпоне и сливок было бы грешно.

– И чем закончилось?

– Я вежливо попрощалась и заблокировала его аккаунт.

– А Ксанке что сказала?

А Ксанке я еще не сказала... У нее был выходной, и это меня спасло – меня и новый букет от Юлиана, из ярко-красных гербер. Его я все-таки отнесла домой – точнее, отнес Юлиан, я попросила его спрятать цветы под дубленку, чтобы они не замерзли в минус пятнадцать.

И да, он снова меня провожал.

Юл: Старая семья, новые удовольствия

Когда коту делать нечего, он яйца лижет.

Был у меня когда-то старый кот по кличке Пират. Обычно коты с таким именем своей смертью не умирают, но этот как-то прижился, притерся и только под конец дней своих подхватил кошачий невроз. Целыми днями он вылизывал яйца.

Вся остальная шкура могла хоть завшиветь, но яйца у него были всегда идеальные. И довылизывался до того, что там появились проплешины, а вскоре они и вовсе стали блестеть, как начищенные китайские шарики.

Я не сразу заметил. Ну как-то не до котов мне было, тем более, не до их яиц. А когда заметил, долго не мог вспомнить, действительно ли они должны быть пушистые или меня уже глючит?

Ветеринар сказал – коту скучно.

Вот я сегодня был тем котиком. Домой пилить смысла нет: три часа посидеть и опять выдвигаться по зимней трассе. В «семейной» квартире заняться нечем. В спортзале целый день не проторчишь. Друзья заняты. Они-то не сваливали дела на взрослых детей, и пашут, как положено в столице, – сутками.

Вот я и отправился в офис – яйца лизать.

Влад хотел оставить мой кабинет неприкосновенным, а себе завести новый, но я как представил этот дом-музей усопшего, медленно покрывающийся пылью, так и вздрогнул. Разрешил ему все под себя переделать.

Поэтому устроился с документами в VIP-переговорке, чтобы не лазить в его бумагах. Мне туда натаскали кофе, чая и печенек и пару раз приводили молодых сотрудников на экскурсию. Посмотрите налево, тут у нас череп Буденного в детстве...

С удивлением понял, что последний раз проверял, как идут дела, с полгода назад. Это если не считать коротких удаленных консультаций по старым сделкам да недавнего педагогического забега по аптекам, за который я ему тогда все-таки выписал люлей. Надеюсь, это сподвигло его зайти хотя бы в одну где-нибудь по дороге.

Растет мальчик. Если б не мое вынужденное безделье из-за Сплюшки, я б еще полгода в его дела не сунулся. Сам отлично справляется, прямо горжусь.

И Владом тоже.

Услышал, как открылась дверь, и, не поднимая глаз от папки с банковскими договорами, попросил, указывая на одну из многочисленных чашек:

– Лен, принеси еще вот этого чаю, он странный, но мне нравится. И название запиши мне.

Но вместо привычного «С радостью, Юлиан Владимирович!» услышал мрачное:

– Пап, ты чего, не доверяешь мне?

Влад стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня хмуро, исподлобья. Как всегда, когда я делал что-то, что ему не по нутру.

– Нет. – Я откинулся на спинку стула и пожалел, что не попросил найти хорошее кресло с поддержкой – позвоночник хрустнул и возмутился после долгой неподвижности. – Просто решил последовать своему же совету и пройтись по всем процессам. Снизу вверх. Вот, добрался до верха.

Влад мотнул головой, подошел поближе и оперся о стол, нервно постукивая по нему пальцами:

– И?

– Ищу, за что тебя похвалить.

– Я не понимаю, зачем тебе... – начал он, но я не дал договорить:

– Две новые технологические линии тебе зачем?

– Планирую запускать ряд экспериментальных препаратов, ротировать по степени успеха.

– Для них точно нужны настолько крутые технологии? Что за препараты? FDA разрешены?

– Нет, это отечественные инновации, продавать собираемся как биодобавки с недоказанной эффективностью. Если провалятся, никакого ущерба репутации, если взлетят, всем будет все равно, что там в документах написано. – Влад собрался и перестал вести себя как обиженный ребенок, которого не взяли в парк за то, что не сделал уроки, и вспомнил,

что он взрослый деловой человек. Линии-то он, надеюсь, не единоличным решением ввел, защищал, небось, идею перед советом.

– Ладно. – Я хлопнул рукой по стопке папок с материалами на эту тему и отодвинул ее в сторону. Этот вопрос пока закрыт. – Видел твои бюджетные заказы. Осторожнее с ними, там подводных камней больше, чем в алтайских реках.

– Да, да, я знаю. – Влад вроде бы расслабился и только отмахнулся от меня.

– Мой тебе совет – расширь бухгалтерию, а то нынешним составом они заманаются с документами по этим заказам.

– Угу... – Влад проследил, как я отодвинул еще стопку папок на край стола. Из его позы ощутимо ушло напряжение. Пропустит мимо ушей, конечно. Надо самому проверить будет.

– Так, дальше... Рост производства. Это я потом на месте гляну, откуда у тебя такие роскошные показатели на линиях прошлого века. А вот по новым рынкам ты просто молодец. Выпиши рекламщикам премию.

– Почему рекламщикам? – дернулся Влад.

– Потому что это их заслуга, а для тебя премия – рост бизнеса. Все, можешь забрать макулатуру, я закончил.

Влад что-то проворчал, кликнул секретаршу, и вдвоем они очистили стол. Правда, заодно смели и мои кружки. Все. С делами покончено, переходим к приятной части – и я открыл сайт с доставкой букетов.

Дурацкие эти ухаживания за пугливой Соней неожиданно понравились самому. Готовиться, волноваться, выбирать каждый день новый букет, стараясь не повторяться в идеях и сортах. Нет, за несколько дней все еще не надоело.

Давно такого не было. Все либо знающие себе цену телочки на пару ночей, либо занятые женщины, которые с большим удовольствием примут в подарок стейк, особенно если ты его и пожаришь. И массаж после секса.

Но в отличие от юных лет, сейчас точно знаю, что финал будет счастливым. Все закончится так, как должно, и предвкушение вместе с уверенностью приносят чумовое удовольствие.

И книжек не читал давно.

Вот как после развода укатил в свой дом в лесах, впервые доверившись сыну на достаточно долгий срок, так и застрял там на зиму, читая всю подряд классику и потихоньку, на собственном опыте, учась работать со старым капризным деревом.

Тогда, после трех лет с вечно депрессивной ноющей Ларисой, ощущение вдруг исчезнувшего давления на мозг произвело эйфорический эффект, почище, чем от экстази. Или как будто с уровня Мертвого моря вдруг подняться до середины Эвереста. Думал, понадобится лет десять, чтобы отдохнуть и насладиться эффектом, а вот поди ж ты, половины срока хватило, чтобы захотеть вернуться к людям. Оказывается, это не старость, оказывается, это усталость.

чаю и не торопись, у нас тут с папочкой беседы.

– Какие беседы? – осмелился вякнуть наследник.

– Мы решили выполнить то желание, которое ты загадал на Новый, 1996 год! – подмигнул я ему.

Влад нахмурился, не понимая, что происходит:

– Какое желание?

– Чтобы мама с папой снова поженились! – улыбнулась во всю безупречно белую фарфоровую челюсть Ольга.

Влад сжал зубы и молча свалил.

– Значит так, у меня к тебе два дела. – Ольга еще немного натянула платье на бедра и хищно качнула стальным мыском. Я поежился. И ведь не докажешь, что угрозы. – Даже одно, если совместить. Во-первых, у отца юбилей, и ты приглашен, даже не отлынивай. Во-вторых, ты вообще в курсе, где и с кем живет наш сын?

– На юбилей не пойду, Влад точно не в квартире, там сейчас я.

– Оу, тебе надоело быть отшельником в своем заснеженном ските? – Ольга тщательно просканировала меня, начиная с бритой головы и заканчивая видимой ей частью свитера. Ниже двигаться не стала, спасибо ей большое, ее эта часть моей географии больше не интересует.

– По делам заехал, – сказал я, пытаясь локтем незаметно закрыть окно сайта с букетами.

– Оу! «Пришла пора, она влюбилась...» – склонив голову и умиленно на меня глядя, проворковала бывшая жена но-

мер один.

– Ч-что?

– Да у тебя опять то выражение лица «Молодой крокодил пятидесяти лет хочет зависти себе друзей». В смысле, жену. Скоро восьмую представишь? Кто это будет? Гламурная ту-совщица была, малолетка была, творческая личность с закидонами была.

– Бизнес-стерва была, – огрызнулся я.

– Скорее наивная дура с прошивкой на семью. Что-нибудь новенькое нам представишь? Приводи на юбилей, все-таки родственники будущие.

– Бывшие.

– Юлий! Не перечь мне! – Ольга собрала лицо в маску маленькой злобной стервы в маленьком черном платье. И даже алые ногти, кажется, удлинились.

– Женщина, ты за все эти годы не сподобилась выучить мое имя! – Я отодвинул стул и поднялся, нависнув над ней. При нашей разнице в габаритах, с ее точки зрения, это должно было выглядеть довольно страшно.

Но Ольга только дернула алым когтем распутившуюся петлю на свитере и тем же невыносимо вредным голосом, глядя снизу вверх, но морально все равно сверху вниз, отчеканила:

– Так. Короче. В следующий четверг в «Орле» в семь вечера. Нам надо обсудить женитьбу сына.

– На ком?! – Я рухнул обратно.

– Вот на ком выберем, на той и женится, – почти ласково улынулась она. – Тридцать лет оболтусу, а ты даже не знаешь, где он ночует.

– Это вообще-то логично...

– Вот ты никогда не заботился о нем...

– Женщина, а в лоб? – устало поинтересовался я, раздувая, как противостоять Ольгиной материнской активности.

И что мне делать с Соней, не вести же ее действительно... Она не готова. Я не готов. Что вообще значит, молодой крокодильчик пятидесяти лет?! Мне пока сорок восемь!

– Ну хорошо, хорошо, – Ольга погладила меня по плечу. – Но почему тебя никогда не волнует его будущее?

– Оно меня очень волнует, поэтому я по максимуму даю ему самостоятельность, – я глянул на часы. – Так, все, аудитория окончена. Мне пора.

– Нет, серьезно, Юль, привози Владику новую мачеху. Он пока будет бурлить, я ему как раз впарю, кого нужно, – резко сменила тон Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.